Путь практика

Книга первая

Учеников видели в городе Высоких Стен

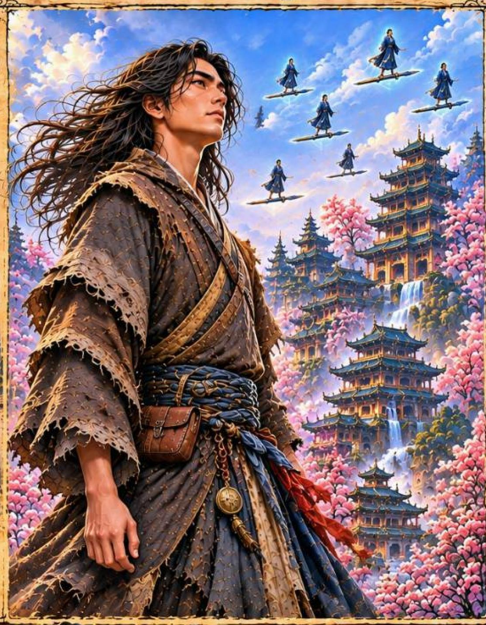
Граждане говорят, что видели учеников секты Парящих Журавлей в городе, покупающими травы и пилюли. С ними был мастер секты...

Новость дня... Читать подробнее

Набор редких трав за 1 камень душ

Старейшины секты Парящих Журавлей принимают решение о войне...

Читать подробнее

Новые артефакты на усиление ци...

Читать подробнее

Секта Парящих Журавлей набирает новых учеников!

Читать подробнее

В этом году наша секта начинает новый набор во внешние ученики секты. Без обязательного экзамена имеют право пройти практики, имеющие уровень концентрации ци, не ниже пятого. Остальные, кто не набрал нужный уровень, проходят экзамены...

Хитрый Даос

Хитрый Даос
Путь практика. Книга первая

https://litres.ru/74775403
SelfPub; 2026

Аннотация

Он был практиком, стоявшим на пороге обожествления. За шаг до уровня Вопрошания его предали и убили — тело распылили на атомы, а дух приковали к разрушенной горе. Десять тысяч лет он скитался тенью, наблюдая, как мир забывает его имя, как зарастают тропы и рушится его пещера.

А потом появился шанс. Умирающий пастух. Чужое тело. Чужое имя. И память о пути, который он уже однажды прошёл.

Вэй Кан начинает с нуля: корзина трав, долги перед деревенским трактирщиком, насмешки тех, кто считает его деревенщиной. Но он знает то, чего не знает никто: как варить пилюли, которые стоят целое состояние. Как находить травы там, где другие видят только сорняки. Как побеждать в бою, где противник сильнее — но глупее.

Турнир. Секта. Предательство. Прорыв. Каждый шаг приближает его к цели — но и привлекает внимание тех, кто не прощает чужих секретов.

А в конце пути его ждёт то, что он потерял десять тысяч лет назад. Артефакт, и вопрос: готов ли он заплатить цену, которую потребует прошлое?

Содержание

Глава первая. Пик Высокого 4
Глава вторая. 19
Глава третья. 40
Глава четвертая. 55
Глава пятая. Табличка забытой техники 75
Глава 95
Глава 108
Глава 123
Глава девятая. Секта Парящих 138
Глава 155
Конец ознакомительного фрагмента. 167

Хитрый Даос
Путь практика.
Книга первая

Глава первая. Пик Высокого Лотоса

Меня зовут Вэй Кан.

Когда-то давно, в эпоху, о которой теперь не помнят даже самые древние камни, я был практиком на этой земле. Я жил высоко в горах, там, где облака касались вершин, а ветер приносил с далёких морей запах соли, снега и цветущих трав. Моя обитель стояла на Пике Высокого Лотоса — горе столь прекрасной, что люди из ближних долин называли её не горой, а цветком, выросшим из самой земли.

Она поднималась над миром, словно исполинский лотос, раскрытый перед Небом. Нижние склоны её были покрыты тёмными кедровыми лесами, где в тени вековых стволов текли холодные прозрачные ручьи. Выше начинались бамбуковые рощи, и при каждом порыве ветра тысячи зелёных стеблей склонялись друг к другу, шепча на языке, понятном лишь горам. Ещё выше лежали каменные террасы, поросшие

серебристым мхом, а над ними — голые утёсы, к которым могли прикоснуться только птицы и облака.

На самой вершине, в чаше между тремя острыми пиками, стояло моё жилище.

Это была не простая пещера. Я много лет искал место, где ци земли и неба соединяются в единый поток, и нашёл его именно там. Из глубины горы поднимались тонкие, почти невидимые нити энергии. Они вились между камнями, стекали по мху, собирались в трещинах и поднимались к небу вместе с утренним туманом. Воздух на Пике Высокого Лотоса был настолько насыщен духовной энергией, что обычный человек, прожив здесь хотя бы месяц, становился здоровее, а практик мог сократить годы медитации.

Я помню, как каждое утро выходил на каменную площадку перед пещерой. Внизу расстилалась бескрайняя равнина — зелёная, тихая, разрезанная блестящей лентой реки Лазурной Ветви. Вдали темнели другие горные хребты, один за другим уходя к горизонту, будто волны застывшего моря. На востоке восходило солнце, и его первый свет зажигал снежные шапки дальних вершин. Казалось, весь мир просыпается одновременно: поют птицы в кедровых лесах, звенит вода в ручьях, шумят бамбуки, и над всем этим поднимается золотистый туман.

Там я проводил свою медитацию.

Моей целью был переход на уровень Вопрошания — околобожественную ступень, о которой мечтали поколения

практиков. Чтобы достичь её, нужно было не просто накопить силу. Нужно было создать и взрастить собственный зародыш до пика высокого уровня, довести его до совершенства, а после слить с ним дух, волю и понимание Неба. Это был труд всей моей жизни.

Сотни лет я медитировал в своей пещере.

Сотни лет я слушал, как за стенами жилища меняются времена года. Весной по склонам текли ручьи от тающего снега, и воздух наполнялся ароматом влажной земли. Летом горы покрывались густой зеленью, а ночью над вершиной вспыхивали бесчисленные звёзды. Осенью леса становились золотыми и багровыми, и ветер уносил листья вниз, в долины. Зимой Пик Высокого Лотоса одевался в белое молчание, и только горячие струи ци, поднимавшиеся из его глубин, не давали снегу полностью скрыть священные камни.

У меня было всё, что необходимо для перехода.

В глубине пещеры хранились артефакты, собранные за долгие века: мечи, способные рассекать горные потоки; сосуды для хранения духовной росы; печати, защищавшие жилище от чужого взгляда; нефритовые таблички с древними техниками. В отдельных каменных нишах лежали травы, светившиеся в темноте мягким светом. Там были корни тысячелетнего женьшеня, цветы лунного лотоса, стебли небесного бамбука возрастом десять тысяч лет, капли росы, собранной с облаков. Я имел пилюли, способные восстановить разрушенное тело, укрепить дух, очистить меридианы и помочь

зародышу пройти последний рубеж.

Я знал каждую опасность перехода.

Я знал, что в момент, когда зародыш начнёт соединяться с духом, нельзя тревожить практика. Нельзя тревожить его телом, голосом, намерением или даже мыслью. Иначе накопленная за столетия энергия вырвется наружу, не найдя выхода, и уничтожит всё живое рядом.

Поэтому я подготовился.

Я запечатал свою пещеру девятью слоями защиты. Я скрыл её от чужих глаз, растворил ауру в горном тумане, поставил запретные формации на тропах и в трещинах скал. Я был уверен, что никто не сможет проникнуть внутрь.

Но одного я не учёл. Человеческой жадности. Или, быть может, человеческой глупости.

Предательство:

В тот день небо над Пиком Высокого Лотоса было чистым и глубоким, как зеркало из лазури. Облака медленно плыли вокруг вершины, и в их белых краях отражалось солнце. Я сидел в главном зале медитации, скрестив ноги на нефритовом ложе. Передо мной висел мой зародыш — маленькая светящаяся сфера, похожая на каплю утренней росы, в которой заключено целое небо. Вокруг неё вращались тонкие кольца энергии.

Я начал переход.

Сначала всё шло спокойно. Духовная энергия горы текла ко мне, вливаясь в тело, в меридианы, в зародыш. Я чувство-

вал, как каждая частица моей сути становится светлее и чище. Казалось, я растворяюсь в горе, в небе, в ветре, и одновременно становлюсь яснее, чем когда-либо прежде.

Но на третий день перехода печать на входе в пещеру дрогнула.

Я почувствовал это даже сквозь глубочайшую медитацию — как далёкий удар по колоколу, отозвавшийся в костях горы. Кто-то пытался вскрыть мою защиту.

Их было пятеро.

Пятеро глав школ, практиков уровня зародыша. Они давно следили за мной. Они наблюдали за эфирными потоками Пика Высокого Лотоса, замечали, как гора начинает дышать иначе, как над вершиной собирается невиданная концентрация ци. Они поняли: я вошёл в переход и уже не смогу выйти из медитации, чтобы остановить их.

И они решились на преступление. Три дня они били по моей печати.

Три дня их жадные руки разрушали то, что я создавал веками. Они не понимали, что делают. Мои сокровища были для них бесполезны и смертельно опасны: слишком велика была разница между их уровнем и уровнем вещей, хранившихся в пещере. Но им было всё равно. Желание обладать чужим богатством ослепило их сильнее любого яда.

Печать пала держалась три дня и начала трескаться. Пятеро практиков, долго ждавшие этого момента, будучи низкого уровня зародыша, смогли разбить мою печать, исполь-

зуя все свои силы, знания и артефакты поддержки.

Они ворвались внутрь, словно стая хищных птиц, почуявших добычу. Я слышал их шаги, их дыхание, их торопливые голоса. Они срывали травы с полок, хватали сосуды, рвали нефритовые таблички, разоряли залы, которые я строил не одно столетие. Они не знали, что некоторые травы начинают гореть от прикосновения неподготовленной руки. Они не знали, что некоторые сосуды хранят силы, способные разорвать меридианы зародыша.

Они не знали ничего, их уровень силы и знаний был недостаточен. Но жажда чужих богатств свела их с ума. И они пошли дальше. В мою комнату медитации.

В тот миг, когда их намерение коснулось меня, переход был разрушен. Энергия, копившаяся во мне сотни лет, вырвалась на свободу. Я не успел даже открыть глаза.

Вспышка была белой. Не огненной, не золотой — белой, как первый свет мира. Она заполнила пещеру, трещины в скалах, всё пространство между камнем и небом. Пятеро глав школ погибли мгновенно, не успев даже вскрикнуть. Их тела обратились в пепел, их души развеялись в горном ветре.

А меня энергия распылила на атомы.

Я не умер так, как умирают люди. Моё тело исчезло. Мои кости, кровь, кожа, даже последний след моей духовной основы — всё было разорвано той безумной волной. Но дух мой не ушёл в круговорот перерождений. Он остался.

И стал неприкаянным.

Дух у горы:

Сотни лет я летал вокруг Пика Высокого Лотоса. Мои мечты увидеть уровень Вопрошания, так и остались мечтами. Что находится на этом уровне. О чем писали древние свитки, все осталось там, вдали, когда я еще был жив и мог это узнать.

Я не мог уйти далеко. Каким-то невидимым узлом я был привязан к горе — к месту, где когда-то жил, медитировал, строил свои планы и верил, что сумею коснуться божественного. Я кружил над вершинами, спускался в ущелья, скользил между кедров, смотрел на бамбуковые рощи, на реки, на облака.

Но не мог покинуть свою прошлую обитель.

Вначале я ещё надеялся, что найду способ восстановиться. Я искал остатки своей энергии в камнях, в травах, в подземных источниках. Я пытался вспомнить техники, которые могли бы собрать дух заново. Но время шло, а я оставался лишь тенью, наблюдателем, без тела, без силы, без будущего.

Прошли сотни лет.

История о практике, жившем на Пике Высокого Лотоса, забылась. Люди перестали приходить на вершину и дарить цветы, перестали воздавать молитвы. Тропы заросли. Каменные ступени скрылись под мхом. Пещера обвалилась частично, а то, что осталось, скрыли кусты и травы. Гора снова стала обычной горой — красивой, высокой, но безымянной для большинства.

Только на её склонах почему-то лучше росла редкая ценная трава для пилюль.

Она была ярче, ароматнее, сильнее той, что росла в других местах. Люди из ближних деревень иногда поднимались сюда, чтобы собрать её. Они не знали почему. Они говорили, что гора благословенна. Что здесь земля помнит что-то доброе. Что ветер здесь особенный.

Они не знали, что земля помнит меня.

Пастух:

Рано утром, в один из летних дней, я снова парил над склоном.

Солнце только поднималось из-за дальнего хребта. Его свет ложился на траву длинными золотыми полосами. Роса блестела на каждом листке, словно небо рассыпало по земле тысячи мелких жемчужин. Внизу, в долине, шумел ручей. Воздух был прохладным, чистым, наполненным запахом мокрой земли и цветущих трав.

В тот день по склону шёл молодой парень.

Ему было около двадцати лет. Ростом он был высок — около метра восьмидесяти, с длинными волосами, завязанными в причудливый хвост. Обычный пастух из ближней деревни, который обычно пас овец недалеко от горы. Но сегодня он был без овец. В руках у него была плетёная корзина, а на поясе — короткий нож для срезания трав.

Он редко подходил к этому склону. Обычно его овцы ходили другими тропами, более пологими и безопасными. Но

сегодня парень увидел, что здесь растёт больше редких трав, чем где-либо ещё. И травы эти были выше качеством, чем те, что он видел даже в лавке у старейшины деревни.

Это заинтересовало его. Он начал подниматься выше.

С каждым шагом трав становилось больше. Они росли плотнее, ярче, пахли сильнее. Парень наклонялся, вырывал их с корнями и клал в корзину. Он знал, что подниматься выше опасно. У него не было верёвки, чтобы привязаться. Склон был крутым, местами скользким от росы. Но жажда заработка оказалась сильнее голоса разума.

Он полез ещё выше.

Я смотрел на него сверху и чувствовал странную тоску. Этот парень был живым. У него было тело, дыхание, сердце, которое билось быстро от усилия. У него были планы, надежды, может быть, кто-то, кто ждал его дома. А у меня не было ничего, кроме памяти и привязанности к горе.

И тут парень увидел цветок.

Он рос на выступе скалы, высоко над ним. Цветок был синим, почти лазурным, и испускал слабый фиолетовый свет. Его аромат был тонким, чарующим, таким, что даже я, дух без тела, почувствовал его присутствие. Парень, судя по всему, узнал его. Он видел описание этого растения в какой-то книге — цветок был основным ингредиентом для создания пилюль-основы. Очень ценное растение. Очень редкое.

Он оставил корзину внизу и полез к цветку.

Я хотел крикнуть ему, чтобы он остановился. Но у меня

не было голоса. Я мог лишь следовать за ним, скользя по склону, как тень в утреннем тумане.

Парень полз вверх, цепляясь руками за выступы. Камни были холодными и влажными. Иногда под ногами соскальзывали мелкие камешки и с сухим стуком летели вниз, в ущелье. Но он не останавливался. Он был уже близко. Цветок был прямо перед ним.

Он держался одной рукой за выступ, а другой потянулся к цветку. Потянул. Цветок не поддавался. Парень потянул сильнее. Цветок всё ещё держался.

Тогда он сделал то, чего делать не следовало. Он максимально подвинулся на уступе, держась лишь краем ноги и одной рукой. И с силой дёрнул цветок.

Цветок легко выдернулся. Парень не ожидал этого. Он потерял опору и кубарем покатился вниз.

Я видел, как его тело ударяется о камни, как ломаются кости, как кровь оставляет тёмные следы на светлых травах. Он падал долго — с высоты около двадцати метров — и упал в небольшое ущелье. Там было тихо. Только ветер шевелил травы над ним.

Парень погиб, так и не приходя в себя. Его дух вышибло из тела.

Первый вздох:

Я был рядом.

Я не знаю, почему именно в тот миг я решился спросить. Может быть, потому что сотни лет одиночества наконец на-

шли выход. Может быть, потому что я увидел в нём не просто тело, а шанс. Может быть, потому что его дух, уходя на покой, был добрым и не испугался меня.

Я спросил:

— Можно ли мне занять твоё тело?

Его дух помедлил. А потом разрешил.

Он уходил на перерождение. Я почувствовал, как его присутствие слабеет, растворяется в свете, в ветре, в чём-то большем, чем я мог понять. И я вошёл в его тело.

Впервые за столько лет я сделал первый вздох.

Хотелось бы сказать, что это было самое желанное, самое прекрасное ощущение после стольких лет. Но нет. Первый вздох был болезненным. Настолько, что я чуть снова не вылетел из тела.

Лёгкие горели. Рёбра, казалось, вонзались внутрь. Голова раскалывалась от боли. Всё тело было чужим, тяжёлым, разбитым. Я лежал на спине в узком ущелье, и надо мной висело небо — голубое, высокое, безразличное. Наверное, это судьба, подумал я. Умер, а потом ожил также через смерть.

Я сделал диагностику тела.

Несколько переломов. Сотрясение. Множество ран, ушибов, царапин. Кровь запеклась на виске. Одежда была порвана. Руки дрожали. Ноги не слушались.

Но я был жив.

Впервые за тысячи лет я снова чувствовал вес тела, холод камней под спиной, влажность травы у щеки, боль в каждом

движении.

И это было почти счастьем.

Следующие несколько дней я лежал на спине, постепенно восстанавливаясь и приходя в себя. Я не мог двигаться сразу. Я мог только дышать, слушать ветер и смотреть в небо над ущельем. Иногда мимо пролетали птицы. Иногда падали листья. Иногда свет солнца менял угол и скользил по камням, окрашивая их в золотой и медный цвет.

Я лежал и думал. О том, что моя прежняя жизнь закончилась. О том, что моя сила, мои сокровища, мои планы — всё осталось в прошлом, разрушенное чужой жадностью. О том, что теперь у меня есть новое тело, слабое, молодое, обычное. И о том, что, возможно, это начало нового пути для меня.

Я, Вэй Кан, бывший практик, живший когда-то давно на этой земле, снова открыл глаза.

И впервые за более чем десять тысяч лет я почувствовал, как воздух входит в лёгкие, наполняет их, а затем выходит наружу.

Это было больно, но так желанно. Но главное, я чувствовал себя живым.

Следующие несколько дней я лежал на спине в узком ущелье, постепенно восстанавливаясь и приходя в себя.

Солнце поднималось над краем скал, скользило по влажным камням, нагревало их, а к вечеру снова оставляло их холодными. Ночью над ущельем зажигались звёзды — яркие, близкие, будто их можно было достать рукой. Ветер прино-

сил запах хвои, мокрого мха и дальних цветущих лугов. Иногда где-то внизу шумела вода, и этот звук был единственным, что напоминало мне: мир не остановился.

Тело молодого пастуха было слабым, но живым. И в нём был источник.

Он был мал, почти неразвит, похож на тонкий ручеёк, теряющийся в песке. Парень, видимо, даже не знал о нём или знал, но не умел им пользоваться. Для обычного человека такой источник мог бы стать началом долгого пути. Для меня же он был единственной возможностью быстрее залечить переломы, восстановить меридианы и вернуть телу хотя бы часть сил.

Я принялся медитировать лёжа.

Это было непривычно. Сотни лет я медитировал сидя, в позе созерцания, окружённый защитными формациями, артефактами и накопленной энергией. Теперь же я лежал на холодном камне, среди трав, с разбитым телом и почти пустыми меридианами. Но мой дух все помнил, и главное, он помнил путь.

Я не спешил.

Я направлял тонкие нити энергии к сломанным костям, к ушибам, к повреждённым каналам. Боль была тупой, глубокой, но терпимой. Каждый вдох приносил немного ци из ущелья, каждый выдох уносил часть усталости. Мне было радостно и больно одновременно: жизнь снова давала мне шанс, и я не хотел упустить его снова.

Так прошло три дня.

На четвертый день я стал практиком первого уровня концентрации.

Это был ничтожный уровень по меркам моей прошлой жизни. Тогда я бы даже не назвал его началом пути. Но сейчас он означал, что я могу двигаться. Я мог пошевелить пальцами, согнуть руки, приподняться на локтях. Я мог, превозмогая боль, доползти до ручья. Боль…я помню боль, она всегда была со мной, от самого начала. Практик без боли, как лист на ветру, летит куда подует ветер. Поэтому к боли привыкаешь быстро. Без этого никак.

Ручей тек у самого основания ущелья.

Он был неглубоким, прозрачным, быстрым. Вода падала с небольшого каменного уступа, разбивалась о тёмные камни и собиралась в чистую чашу, окружённую мхом и низкими папоротниками. Я подполз к ней, зачерпнул воду ладонями и выпил.

Каким же удивительным был вкус воды!

Я давно забыл его.

Простая, холодная вода с лёгким вкусом камня и трав. Она прошла по горлу, растеклась внутри, и на мгновение мне показалось, что я снова живу впервые. Не как дух, парящий над горой. Не как воспоминание давно ушедшей эпохи, а как человек, который чувствует холод, жажду, усталость и облегчение.

Я пил долго. Потом лёг у воды, на плоский камень, про-

гретый утренним солнцем, и продолжил медитировать.

Глава вторая.
Деревня Талый ручей

Это ущелье было необычным.

Я заметил это почти сразу, ещё когда лежал без сил. Здесь энергия не просто присутствовала в воздухе — она текла. Тонкими прозрачными потоками она стекала по стенам ущелья, собиралась у корней трав, кружилась над водой и поднималась вверх, к отверстию между скалами. Для практиков малого уровня здесь её было предостаточно.

Нужно было только брать. И я брал.

Два дня я провёл у ручья, не отходя далеко. Тело понемногу крепло. Ссадины затягивались. Переломы всё ещё болели, но кости срастались быстрее, чем должны были срастаться у обычного человека. Энергия заполняла меридианы, расширяла их, укрепляла источник.

Моя концентрация поднялась до третьего уровня.

Дальше сидеть здесь стало невыгодно.

Энергии стало требоваться больше, а потоки ущелья, столь щедрые для начинающего, были слишком тонки для дальнейшего роста. Мне нужно было подниматься выше — туда, где гора дышала сильнее, где ци была гуще и чище.

Но сначала нужно было вернуться к людям.

Я более-менее пришёл в себя. Тело слушалось. Я мог стоять, хотя ноги ещё дрожали при долгой нагрузке. Я мог идти, опираясь на палку, отломанную от сухого куста. Я был готов идти в деревню.

Но я понимал: будут вопросы.

Куда я исчез? Почему вернулся через столько дней? Почему у меня травы, которых никто не собирал? Почему от меня пахнет духовной энергией, пусть и слабой?

Мне нужна была история. Я сходил за своей корзиной.

Она лежала там, где парень оставил её перед подъёмом к синему цветку. Трава вокруг неё была примята, а на камнях ещё виднелись тёмные следы. Я не стал смотреть на них долго. Прошлое уже свершилось. Тот юноша ушёл на перерождение, а я занял его место. Оставалось только жить дальше.

Я наполнил корзину.

Редкие цветы, светящиеся травы, корни с серебристой кожурой, стебли с каплями ароматной смолы. Я собирал аккуратно, не вырывая всё подряд. Часть растений оставлял расти: гора и так была щедра, но жадность уже однажды погубила мою прошлую жизнь. Я не хотел повторять чужих ошибок.

Когда корзина стала полной, я придумал историю.

Небольшое ущелье. Тихое, скрытое от глаз. Я нашёл его, когда искал травы. Там было много энергии, и я медитировал несколько дней. Дошёл до начального уровня практика. Вернулся, потому что нужно было отнести травы в деревню.

История была простой. Правдоподобной ровно настолько, чтобы вызвать интерес, но не слишком много вопросов.

Я взял корзину и пошёл в сторону деревни.

Дорога вела вниз, через склоны, поросшие низким кустарником. Чем ниже я спускался, тем теплее становился воздух. Пахло сеном, дымом очагов, спелыми плодами. Вдалеке показались крыши деревни — небольшие, тёмные от дождей и солнца, окружённые полями и изгородями.

Но мысли мои были не о деревне.

Артефакт в глубине горы:

У меня был артефакт высокого околобожественного ранга. Он единственный выжил после взрыва.

Когда энергия разорвала мою пещеру и распылила моё тело, артефакт улетел вглубь горы. Он не был уничтожен. Он скрылся там, в естественной полости, закрытой от посторонних каменной преградой. Попасть туда просто так было невозможно: слишком тесные ходы, слишком плотные слои породы, слишком тонкая духовная защита, оставшаяся от моей прежней формации.

Будучи духом, я нашёл его.

Я помню, как впервые почувствовал его энергию сквозь толщу камня. Она была слабой, далёкой, но узнаваемой. Тёплой. Родной. Я потянулся к ней, и артефакт ответил. Он не мог вернуть мне тело. Он не мог собрать мой дух заново. Но он питал меня исходящей энергией, не отпускал на перерождение, удерживал в этом мире.

Фактически он меня спас. Без него я бы, вероятно, растворился в ветре ещё сотни лет назад.

Артефакт лежал в пещере, скрытой глубоко в недрах Пика Высокого Лотоса. Я знал дорогу к нему. Я помнил каждый поворот, каждую трещину, каждый слой камня. Но сейчас я не мог его забрать.

Я был слишком слаб.

Если я достану его сейчас, то не смогу скрыть. Первые же практики, почувствовавшие такую ауру, отберут его у меня. А может, и убьют, чтобы никто не узнал о находке. Мне нужны были сумка-хранилище, сила, и время. Мне нужно было подняться хотя бы до уровня ядра, а лучше — дальше, до Зародыша.

Только тогда я смогу забрать артефакт. И он поможет мне снова достичь высокого уровня Зародыша, а потом и заветного Вопрошания. Ведь этот артефакт, это был ключ-приказ почти божественного ранга, для открывания всех дверей в найденных пагодах древних, или даже обителей бессмертных. Тогда, будучи живым, я с его помощью посетил немало обителей бессмертных, найдя в них техники, артефакты и разные вещи, которые использовались бессмертными в их повседневной жизни.

Я уже проходил этот путь, теперь помня, как, я пройду этот путь заново.

Я знал, где можно ускориться, а где нельзя торопиться. Я знал, какие ошибки совершал в прошлой жизни, на что тра-

тил годы, каких людей недооценивал. Знал и цену доверия, цену жадности, цену момента, когда кажется, что всё уже достигнуто и больше ничто не может пойти не так.

Второй раз я не совершу всех тех ошибок. Второй раз я не потрачу столько лет впустую.

Спуск по склону:

Я шёл вниз по склону, и гора медленно отпускала меня.

Пик Высокого Лотоса оставался позади, высокий и молчаливый. Его вершины блестели в утреннем свете, а облака медленно обвивали их, словно не желая расставаться. Я оглянулся один раз. Где-то там, в глубине камня, лежал мой артефакт. Где-то там остались руины моей пещеры, мой зародыш, моя прежняя жизнь.

Но я уже не был тем, кем был раньше. Я был молодым пастухом с корзиной трав. Я был практиком третьего уровня концентрации. И я был Вэй Каном — тем, кто однажды уже дошёл до порога Вопрошания и пал за шаг до него.

Впереди была деревня, люди, вопросы, новая жизнь. А за ней — гора, энергия, путь. И я знал: рано или поздно я вернусь. Не как тень, привязанная к вершине. А как практик, способный забрать то, что принадлежит мне по праву.

Я дошёл до деревни Талый Ручей к полудню.

Она лежала в широкой долине, там, где горные ручьи, стекая с дальних склонов, сливались в тихую прозрачную реку. Вода в ней была настолько чистой, что на мелких перека-

тах блестели камни, а в глубоких заводях отражалось небо. Вокруг деревни зеленели поля, темнели полосы леса, а над крышами поднимался лёгкий дым от очагов.

Моя корзина была забита травами и цветами.

Я шёл по широкой улице и искал глазами палатки, лавки, хотя бы небольшой навес, где можно продать своё богатство. Вокруг стояли аккуратные домики с резными ставнями, подстриженные деревья, кусты с яркими цветами. Пахло хлебом, сеном, дымом и влажной землёй после утренней росы.

Навстречу мне выбежали несколько парней моего возраста.

— Вэн! — закричал один из них. — Так вот где ты пропадал!

Значит, меня зовут Вэн.

— Мы тебя везде искали! — подхватил второй. — Даже в Город Крепких Стен ходили!

— По всем полям бегали, за реку ходили — тебя нигде не было!

— Давай рассказывай, где ты был!

Они говорили быстро, перебивая друг друга, и в их голосах звучало не злость, а искреннее облегчение. Потом кто-то вспомнил о рыбалке, и они тут же стали звать меня с собой. Я кивнул, обещал догнать их позже, и они, довольные, что друг нашёлся, побежали вперёд, крича мне вслед, чтобы я не задерживался.

Первая торговля:

Я шёл дальше, внимательно осматриваясь и пытаясь понять, кто здесь торгует травами.

Мне не пришлось искать долго.

— Эй, Вэн! — окликнула меня женщина от прилавка под навесом. — Сюда подойди. Травы, что ли, несёшь? Давай сюда, я всё заберу.

Я обрадовался, что не нужно никого искать, и подошёл.

Корзина была тяжёлой, полной. Я начал говорить — осторожно, но уверенно, опираясь на знания, оставшиеся от прошлой жизни.

— Эти цветы долго не вянут, если поставить их в горную воду и держать не на солнечной стороне. Они хороши для настоек. А вот эти травы, — я выложил несколько пучков из корзины, — подходят для пилюль обычного качества. Для практиков концентрации ци, до пятого уровня включительно.

Женщина смотрела на меня так, будто видела впервые.

— Ты откуда такой умный взялся? — прищурилась она. — Думаешь, я не знаю, какую траву ты принёс? Ишь, умный стал — пилюли, видите ли, делать можно. Да тут один сорняк в корзине, его не то, что на пилюлю — коровам стыдно предлагать.

Она покачала головой и продолжила уже мягче:

— Ты парень хороший, сирота. Без отца, без матери, вон какой худой. Иди лучше поешь, поспи. Я так и быть возьму

у тебя всю эту ненужную траву. Вот, бери десять медяков.

Я едва не усмехнулся.

Десять медяков за корзину, в которой лежали растения, способные принести пользу целой школе начинающих практиков.

— Тётушка, — сказал я спокойно, — вы меня обмануть решили? Где здесь вы увидели траву для коров? Это черица. Редкая трава для пилюль. А этот цветок — горный мак. Его свойства дают мужчинам силу.

Женщина побледнела от такой наглости.

— Слушай, Вэн, больно ты умный стал. Бери десять медяков и иди куда шёл. Не надо мне тут зубы заговаривать.

— Раз вы отказываетесь покупать мои травы за честную цену, — сказал я, — я, пожалуй, пойду дальше. Продам в городе. Там другую цену дадут. Не меньше серебра.

Я сказал это наугад, но по её лицу понял: попал близко.

— За эти травы — серебро? Ты с ума сошёл! Максимум пятьдесят медяков. Не хочешь — вали отсюда.

Вот и вся милость. Я вздохнул. В моё время на бедных практиках наживались точно так же. Ничего не изменилось.

Я сложил травы обратно в корзину и вышел на улицу.

Вторая покупательница:

Меня окликнула другая женщина — старше, с седыми волосами, собранными в простой узел. Она стояла у небольшой лавки, заваленной сушёными кореньями и связками трав.

— А, Вэн, здравствуй. Что-то я тебя давно не видела. Ты

где пропадал? Обещал же мне особенную травку принести, помнишь? Так, где она?

Я замер.

— Я не принёс, тётушка, — грустно сказал я, хотя понятия не имел, о какой травке речь.

— Как же не принес? Ты же говорил, что знаешь, где она растёт.

— В другой раз принесу. А сейчас вы можете купить у меня эти травы?

— Могу, конечно. Я всегда покупаю. Но травкой ты меня расстроил, а я ведь на неё рассчитывала. Ну да ладно. Давай, выкладывай, что там у тебя.

Я снова разложил цветы и травы.

Старушка перебрала всё руками, понюхала, повертела каждый стебель, внимательно осмотрела корни. Её пальцы двигались уверенно, без суеты. Эта женщина знала своё дело.

— Шестьдесят медяков, — вынесла она вердикт. — Больше не могу. В городе максимум дадут около восьмидесяти, да и то ещё нужно туда дойти и знать, где продать.

Я прикинул.

По идее, эти травы можно переработать — и тогда цена вырастет на порядок, а то и на два. Здесь, в деревне, их, видимо, просто скупали задёшево, а дальше перепродавали в городе. Там мастера делали заготовки для пилюль и продавали их сектам и общинам. А уже в сектах из заготовок де-

лали полноценные пилюли.

Такой вот круговорот трав.

— Ну что, бабушка, — сказал я, — если не обманула, цена хоть и низкая, но почти честная. Продам вам.

Я получил свои первые деньги в этом мире — шестьдесят медяков — и пошёл искать, где можно поесть.

Долги Вэна:

Я шёл по улице, и вскоре почуял запах еды.

Впереди стоял небольшой дом с разноцветными шарами над входом и вывеской, которую я не успел разглядеть. Внутри было людно: пахло рыбой, дымом, специями и свежим хлебом. Я зашёл и сел за ближайший свободный столик.

Через несколько минут ко мне подошёл взрослый мужчина и положил руку мне на плечо.

— Слушай, Вэн, — сказал он устало. — Я, конечно, понимаю: ты сирота и всё такое. Но долг-то когда отдашь? Я больше тебя бесплатно кормить не буду. Полгода уже кормлю.

Вот я попал. Оказывается, я здесь ещё и должник.

— Извините, уважаемый, — сказал я. — Напомните, сколько я должен?

— Ты что, забыл? — мужчина удивлённо посмотрел на меня. — У молодёжи память совсем короткая стала. Ты должен этому заведению два серебра и пятнадцать медяков. А мне лично — ещё серебряк и двадцать медяков.

Вот, оказывается, как. Я в долгах.

— Хорошо, уважаемый, — сказал я. — Вот пятьдесят ме-

дяков — в счёт долга. А на десять медяков можно у вас поесть?

— Поесть-то можно. Но остальное-то когда отдашь?

Я прикинул. Травы я смогу найти уже завтра. Проблема была в другом: чтобы выручить больше, нужно самому сделать заготовки для пилюль. Тогда их можно продать в разы дороже.

— Полностью рассчитаюсь в течение недели, — сказал я. — Это вас устроит?

Мужчина рассмеялся так, что обернулись несколько посетителей.

— Слыхали? — крикнул он в зал. — Мне, Вэн Чену, он должен около полугода, отдать не может, а тут за неделю собрался!

В зале засмеялись. Искренне, без злобы, но никто не верил.

— Ну хорошо, — сказал Вэн Чен, вытирая глаза. — Срок — неделя. Сам сказал. Если не отдашь, кормить больше не буду. Так и знай.

Через пять минут передо мной стоял большой пирог с рыбой, миска горячего супа и чай.

Я накинулся на еду.

Оказывается, здесь можно неплохо питаться, если есть медяки. А моему молодому организму калории были нужны. Я пока не был практиком высокого уровня, способным жить на воде и чае, получая из них необходимую ци. Вода и чай да-

вали лишь малую часть того, что требовалось телу для восстановления и роста.

План на будущее:

Я ел и думал.

План был понятен. Осталось выяснить, где я ночую, а с утра идти за травой. Потом — переработать её, подготовить ингредиенты для пилюль. Если не лениться, за несколько месяцев я смогу пройти путь от третьего уровня концентрации ци до пятнадцатого уровня практика.

Для обычного практика на такую закалку меридианов уходило с десяток лет постоянных тренировок. Пока каналы не закалятся полностью и не перестанут терять ци. На пятнадцатом уровне практик переставал закалять меридианы и начинал копить энергию для создания основы. А подойдя к пику наполнения основы, с помощью пилюль и медитаций начинал собирать ядро.

В моё время даже гениям, прорвавшимся на уровень ядра, требовалось не менее трёх пилюль создания ядра.

Я помнил своё ядро. Я создал его с помощью пяти пилюль — и это считалось неплохим результатом. Не думаю, что за прошедшие тысячелетия что-то сильно изменилось.

Я доел, поблагодарил управляющего и собрался уходить. Но Вэн Чен вдруг посмеялся, достал из-за стойки ключ и протянул мне.

— Ты плохо выглядишь, — сказал он. — Иди отдохни в своей каморке. И попросил у меня тетрадь — она лежит на

столе в доме.

Оказывается, я иногда жил здесь, в соседнем домике. Там у меня была своя каморка.

Позже я узнал больше.

Этот управляющий забрал меня к себе ещё в детстве, когда я остался совсем один. Он кормил, одевал, учил, заботился — почти как родной отец. Я в юности прислуживал в зале, разносил еду, мыл посуду. А когда вырос, стал самостоятельнее и всё время обещал, что скоро разбогатею и отдам все долги.

Но, видимо, как-то не сраталось.

Я принёс ему его тетрадь, поблагодарил ещё раз и пошёл искать свою каморку.

Она оказалась маленькой, но чистой. Узкая кровать, стол, окно, через которое виден кусок неба и край крыши. На столе лежали несколько книг, огарок свечи, чашка. Всё было простым, обычным, человеческим.

Я лёг на кровать. Мне нужно было прийти в себя. Я был ещё не совсем здоров, а сон — лучший лекарь. Так сытый и оптимистичный, я уснул. Впервые за более чем десять тысяч лет — в чужом теле, в чужой деревне, с чужим именем. Но живой и с планами на завтра.

Утро после долгого сна:

Я проспал весь день и всю ночь.

Когда я открыл глаза, за окном уже светлело. Первые лучи солнца скользили по краю крыши, окрашивая её в тёп-

лый медный цвет. Где-то во дворе столовой уже шумела вода, звенела посуда, а из кухни тянуло запахом дыма, рыбы и свежего хлеба.

Я пошевелился.

Тело отозвалось не так остро, как вчера. Переломы ещё напоминали о себе тупой болью, но кости, судя по всему, срослись значительно лучше. Меридианы, наполненные за три дня медитации в ущелье, тихо вибрировали. Я чувствовал в себе слабый, но устойчивый поток ци.

Я почувствовал себя намного лучше. Сегодня нужно было идти за травой. Я зашёл на кухню.

Вэн Чен стоял у большого котла и помешивал что-то длинной деревянной ложкой. Пар поднимался к потолку, а по стенам бегали тёплые блики от огня. Увидев меня, он хмыкнул, но ничего не сказал — только кивнул на стол.

Я подошёл и сел.

— Дядя, — сказал я, и это слово само собой сорвалось с языка. По его лицу я понял, что не ошибся: для меня он был именно дядей. — Я ухожу на два-три дня за травами. Чтобы вы не беспокоились.

Он рассмеялся, не отрываясь от котла.

— Беспокоиться? Я давно перестал за тебя беспокоиться. Ты постоянно где-то ходишь, неизвестно где, вместо того чтобы работать и помогать мне в столовой.

Я вздохнул.

— Я обязательно помогу. Но не руками — деньгами. Как

только заработаю.

Вэн Чен посмотрел на меня укоризненно. Судя по всему, я уже не раз давал такие обещания. И он давно перестал в них верить.

— Ладно, — сказал он наконец. — Попей чаю.

Он кивнул на стол. Там уже стояла чашка дымящегося чая, а рядом лежал завёрнутый в хлеб кусок рыбы, приготовленный так, что запах был почти непристойно вкусным.

Я съел его с удовольствием и допил чай.

Тепло разлилось по телу. Впервые за несколько дней я почувствовал, что не просто существую, а живу: есть вкус, есть сытость, есть крыша над головой и человек, который, несмотря на все мои долги, всё ещё ставит передо мной еду.

— Дядя Вэн Чен, — сказал я, поднимаясь, — а что бабка от меня за траву просит? Я что-то забыл и хочу уточнить. Может, вы в курсе?

Он фыркнул.

— Все в курсе. Один только ты не знаешь — видимо, слишком тупой, чтобы запомнить название.

Я молча ждал.

— Трава называется ладушка, — сказал он. — Точнее, нужен её корень. Бабкиному деду спину прихватило. Он уже не ходит почти. Она ждёт этот корень, а ты ей обещал, что знаешь, где он растёт. И должен был принести. Но, видимо, слишком тупой для этого — и не принёс.

Я кивнул. Он дал мне с собой завернутую лепешку в до-

рогу. Я благодарно кивнул.

— В этот раз обязательно принесу корень.

Я взял корзину, поблагодарил дядю и вышел из столовой.

Дорога к горе:

Утро в деревне Талый Ручей было тихим и ясным.

Над крышами ещё висел лёгкий туман. Петухи кричали где-то на окраине. Из домов доносились голоса, стук посуды, лай собак. Я прошёл по знакомой уже улице, миновал лавку старушки-травницы и вышел за околицу.

Дорога вела к горам.

Сначала она шла через поля — широкие, ровные, залитые утренним светом. Рожь ещё не созрела, но колосья уже тянулись к небу, и ветер гонял по ним длинные серебристые волны. Дальше начинались луга, поросшие высокими травами и полевыми цветами. Пахло мёдом, пылью и чем-то сладким, невыразимым.

Я шёл быстро, насколько позволяло тело.

Корзина покачивалась за спиной. В руках у меня была палка, отломанная вчера по дороге. Она помогала не только опираться, но и раздвигать высокую траву, проверять землю перед шагом.

Чем ближе я подходил к горам, тем сильнее менялось всё вокруг.

Поля сменялись редким лесом. Лес — каменистыми склонами. Воздух становился прохладнее, чище, прозрачнее. Я чувствовал, как ци здесь становится плотнее. Не так, как на

Пике Высокого Лотоса, конечно. Но всё же заметно гуще, чем в деревне.

Мне нужно было найти корень ладушки.

Я не знал точно, где она растёт. Но я знал её свойства, знал, какую почву она любит, какую влажность предпочитает, рядом с какими растениями обычно селится. Этого было достаточно. Для практика моего уровня знаний найти траву по описанию — не проблема.

Проблема была в другом. Мне нужно было не просто найти её.

Мне нужно было найти достаточно, чтобы хватило и бабкиному деду, и на продажу. И ещё осталось на собственные заготовки.

Склон за рекой:

Я перешёл реку по старому деревянному мосту.

Доски скрипели под ногами, а внизу, в прозрачной воде, кружились мелкие рыбёшки. На другом берегу начинался подъём. Здесь росли низкие кустарники, а между камнями темнели пятна мха. Я шёл медленно, внимательно осматривая землю.

Ладушка любит тень, влагу и рыхлую почву.

Она часто растёт у подножия скал, там, где с крыш утёсов стекает вода. Её листья узкие, тёмно-зелёные, с серебристой прожилкой посередине. А корень — вот что нужно — уходит глубоко в землю и пахнет горьковато-сладко, с лёгкой ноткой дыма.

Я шёл вдоль склона почти час.

И наконец увидел её.

Маленький кустик прятался в расщелине между двумя камнями. Листья были именно такими, как я помнил. Я присел, осторожно разгрёб землю пальцами и начал копать. Корень ушёл глубоко, но не так глубоко, как я опасался. Через несколько минут он был у меня в руках.

Тёмный, узловатый, с горьковато-сладким запахом. Я положил его в корзину и огляделся. Рядом росло ещё несколько таких кустиков.

Я работал до полудня, аккуратно выкапывая корни, не повреждая соседние растения. К полудню корзина была наполнена почти наполовину. Я сел на камень, достал хлеб, оставшийся от утра, и запил водой из ручья.

Впереди был ещё целый день. И, возможно, ещё один.

Мне нужно было собрать достаточно травы, чтобы вернуться в деревню с корзиной, полной ценности. А потом — начать переработку. Сделать заготовки. И в течение недели рассчитаться с долгами.

Я откусил хлеб, посмотрел на горы, уходящие за облака, и усмехнулся. В прошлой жизни я строил планы на столетия. Сейчас мне было достаточно недели. Но, как ни странно, эта неделя казалась мне началом чего-то большого, моего будущего.

У подножия горы:

После короткого отдыха я поднялся и пошёл дальше.

Дорога вела к моей горе — к Пику Высокого Лотоса, хотя для жителей деревни он был просто высокой горой на горизонте, безымянной и далёкой. Я не говорил никому, куда именно иду. Да это и не было нужно. В этих краях все знали: на гору поднимаются лишь те, кто ищет травы, и возвращаются не всегда.

У подножия горы лес становился гуще.

Высокие деревья стояли тесно, их тёмные стволы уходили вверх, к небу, а кроны смыкались над головой, пропуская лишь редкие золотые пятна света. Под ногами хрустели сухие ветки, пахло смолой, влажной землёй и грибами. Где-то в глубине леса стучал дятел, и этот звук был единственным, что нарушало тишину.

Я шёл медленно, внимательно осматриваясь.

Здесь, у самого основания горы, я нашёл первые редкие травы.

Небольшая поляна была усыпана низкими кустиками с фиолетовыми цветами. Я узнал их сразу — лунная мята, основа для успокаивающих настоек. Рядом росла трава с серебристыми листьями, которую местные называли «звёздной пылью»: её использовали для очищения энергии в пилюлях низшего порядка. Чуть дальше, у корней старого кедра, темнели плотные листья горького лотоса — растения, ценившегося за способность укреплять меридианы.

Я собирал всё аккуратно.

Срезал стебли ножом, оставляя корни в земле. Клал травы

в корзину слоями, перекладывая мягкими листьями, чтобы они не помялись. Корзина постепенно тяжела.

Я не спешил.

В прошлой жизни я мог за один день собрать столько редких трав, сколько здесь не росло и за год. Но сейчас у меня было только это тело, эта корзина и эти руки. И, как ни странно, мне нравилось работать медленно. Чувствовать землю под пальцами. Слышать, как ветер шумит в кронах. Видеть, как свет меняется на листьях.

Выше по склону:

Чем выше я поднимался, тем реже становились деревья.

Кедры сменялись низкорослыми соснами, а те — кустарниками и жёсткой горной травой. Склон становился круче. Под ногами хрустели мелкие камни, иногда соскальзывали вниз, стуча о другие камни. Я цеплялся за выступы, опирался на палку, дышал ровно, экономя силы.

Но виды открывались всё шире.

Я останавливался на выступах и смотрел вниз.

Долина лежала далеко внизу, зелёная и широкая, разрезанная блестящей лентой реки. Деревня Талый Ручей казалась отсюда скоплением маленьких тёмных точек, окружённых полями. Дым от очагов поднимался тонкими нитями и растворялся в небе. Вдалеке темнели другие хребты, один за другим уходя к горизонту, а над ними плыли облака — белые, тяжёлые, медленные.

Я стоял и смотрел.

В прошлой жизни я видел эти горы тысячу раз. Но тогда я смотрел на них сверху, из своей пещеры, как на нечто само собой разумеющееся. Сейчас же, стоя на склоне с корзиной за спиной, я видел их иначе.

Они были огромны. И прекрасны, а я был мал. Но эта малость не угнетала. Наоборот — она давала странное чувство свободы. Я был жив, и я мог идти. Мог дышать. Я пошёл дальше.

Глава третья.
Первые заработки

Ещё через несколько часов я вышел на небольшую площадку.

Она была скрыта между двумя скалами, словно кто-то специально оставил её здесь — тихую, защищённую от ветра, открытую небу. Земля была ровной, покрытой короткой жёсткой травой. С одной стороны нависал утёс, с другой — падал тонкий ручей, разбиваясь о камни и собираясь в небольшую чашу с прозрачной водой.

Я огляделся. Место было хорошим.

Ци здесь текла свободно. Не так мощно, как на вершине, но достаточно для того, кто был лишь на третьем уровне концентрации. Я чувствовал, как энергия собирается в чаше ручья, как поднимается от земли, как кружит в воздухе.

Я решил остаться здесь на пару дней. Мне нужно было поднять свой уровень концентрации с третьего на четвёртый. Для этого требовалось не так много времени — если не лениться и правильно использовать окружающую энергию. А главное я знал, как достичь быстро четвертого уровня.

Я поставил корзину в тень, достал остатки еды, наполнил флягу водой из ручья и сел в позу медитации.

Два дня тишины:

Первый день прошёл в почти полной неподвижности.

Я сидел, закрыв глаза, и направлял ци по меридианам. Тело ещё помнило травмы, и на некоторых участках энергия проходила с трудом. Но я не торопился. Я мягко расширял каналы, убирал застои, укреплял стенки меридианов.

Вокруг меня менялся мир. Мое тело затекло, но я не обращал внимания на это.

Утром над скалами поднимался туман, и площадка на время исчезала в белом молоке. К полудню солнце разгоняло его, и всё вокруг становилось ярким, резким, чётким. Вечером небо наливалось красным и золотым, а ночью зажигались звёзды — бесчисленные, холодные, далёкие.

Я не открывал глаз. Тело болело, хотелось уснуть. Я терпел и не обращал внимание. Второй день прошёл так же.

К вечеру второго дня я почувствовал, что достиг предела.

Энергия в меридианах достигла нужной плотности. Источник в теле расширился, стал устойчивее. Я сделал последний вдох, направил ци в нужные точки — и почувствовал, как внутри что-то тихо сдвинулось, встало на место.

Четвёртый уровень концентрации. Я открыл глаза.

Мир стал чуть яснее. Я видел дальше. Слышал лучше. Чувствовал потоки энергии вокруг себя отчётливее. Это был небольшой шаг, почти незаметный для того, кто когда-то стоял на пороге Вопрошания. Но для меня сейчас он был важен.

Я встал, потянулся, размял затёкшие ноги и посмотрел на корзину. Трав было достаточно. Должно хватить и на продажу, и на заготовки для пилюль.

Спуск в долину:

Я собрал вещи и начал спускаться.

Обратный путь занял меньше времени. Тело было крепче, ноги не дрожали, дыхание было ровным. Я шёл вниз по склону, и гора постепенно отпускала меня — сначала каменистые тропы, потом редкий лес, потом широкие луга, а за ними — знакомая долина.

К вечеру я увидел деревню.

Огни в окнах. Дым из труб. Голоса. Лай собак. Всё это было простым, обычным, человеческим. И всё это мне сейчас доступно, я снова жил.

Я вошёл в Талый Ручей, когда небо уже темнело.

Корзина была тяжёлой, полной. В ней лежали травы с разных высот — от луговых до горных, от обычных до редких. Я прикинул: если продать всё сразу, можно выручить пару серебряных монет. Может, чуть больше. Этого хватит, чтобы частично рассчитаться с долгами и купить то, что нужно для переработки трав.

Я шёл по улице, и мне навстречу попадались знакомые лица.

Кто-то кивал. Кто-то спрашивал, где я был. Кто-то просто смотрел с любопытством. Я отвечал коротко: ходил за травами, нашёл хорошее место, вернулся.

Возвращение с корзиной:

Я вернулся в деревню с полной корзиной трав.

В ней лежало всё, что я собрал за эти дни: редкие растения с горных склонов, простые, но дорогие травы с лугов, корни, цветы, стебли с каплями ароматной смолы. Корзина была тяжёлой, и я нёс её осторожно, чтобы не помять содержимое.

Первым делом я зашёл к бабке.

Она сидела у своей лавки, перебирая сушёные коренья. Увидев меня, подняла голову и сразу узнала корзину.

— Ну что, Вэн? Принёс?

Я достал корень ладушки.

Тёмный, узловатый, с горьковато-сладким запахом. Я протянул его ей.

Бабка взяла корень обеими руками, поднесла к носу, понюхала. Потом посмотрела на меня так, будто впервые увидела.

— Наконец-то, — сказала она тихо. — Наконец-то дождалась.

Она была рада. По-настоящему рада.

Она меня долго благодарила, повторяла, что я очень её порадовал, что дед наконец-то сможет хоть немного облегчить боль. Я слушал и кивал. Мне было приятно. Не из-за денег — из-за того, что я смог сделать что-то полезное для конкретного человека.

— вот тебе 50 медяков за нее — сказала бабка, отклады-

вая корень в сторону.

— Пятьдесят медяков, отлично — сказал я.

Продажа остального:

Бабка осмотрела остальную траву в корзине.

Она делала это так же внимательно, как в прошлый раз: перебирала стебли, нюхала, смотрела на корни, на листья, на цвет. Я стоял рядом и молчал. Мне не нужно было ничего объяснять. Она знала своё дело.

Наконец она отобрала то, что ей было необходимо.

— За это, — сказала она, кивая на отложенную часть, — дам два серебряка.

Для меня это были очень большие деньги.

Два серебряка. Плюс пятьдесят медяков за корень ладушки. Я быстро прикинул: этого хватит, чтобы частично рассчитаться с долгами и ещё оставить что-то на проживание.

— Спасибо, бабушка, — сказал я, принимая монеты. — В следующий раз обязательно принесу что-нибудь ещё, что вам нужно.

Она усмехнулась.

— Посмотрим, Вэн. Посмотрим. Ты у нас нынче словоохотливый стал.

Я кивнул и пошёл дальше.

У дяди:

Я зашёл в столовую.

Вэн Чен был за стойкой, протирал кружки. Увидев меня, поднял бровь.

— Вернулся? Живой?

— Живой, — сказал я. — И с деньгами.

Я выложил на стойку два серебряка.

— Это в счёт долга, дядя.

Он посмотрел на монеты, потом на меня. На его лице было удивление — искреннее, не скрытое.

— Ну надо же, — сказал он наконец. — Ты всё-таки принёс.

— Я же обещал.

— Ты много чего обещал, — хмыкнул он, но монеты взял. — Ладно. Часть долга закрыта. Остальное — как договорились. Неделя.

Я кивнул. Сам себе я оставил пятьдесят медяков — на проживание и питание, на всякий случай. Остальное уже было у дяди.

Вечер и отдых:

Я был полон сил.

Тело после двух дней медитации на площадке чувствовалось лёгким, наполненным. Меридианы гудели от ци. Мне хотелось снова идти за травой — искать новые растения, подниматься выше, проверять, что ещё растёт на склонах моей горы.

Но я посмотрел на небо. Уже была вторая половина дня.

Солнце клонилось к западу, тени становились длиннее. Я понял: сегодня уже поздно. Двое суток медитации, дорога туда и обратно, сбор трав — тело устало, даже если дух был

бодр.

Я решил отоспаться.

Я пошёл к своей каморке, открыл дверь ключом, который дядя дал мне. Внутри было тихо и прохладно. Узкая кровать, стол, окно, через которое виден кусок неба и край крыши.

Я положил корзину у стены, сел на кровать и несколько минут просто сидел, слушая тишину.

Потом лёг.

Сегодня я сделал больше, чем за все предыдущие дни. Продал травы. Отдал часть долга. Поднял уровень концентрации. Нашёл корень ладушки для бабки. Завтра сделаю еще больше. Мне нужны ингредиенты.

Наутро я проснулся до рассвета.

За окном ещё стояла синяя мгла, и только край неба на востоке начинал светлеть. Я лежал несколько минут, слушая тишину, а потом встал. Тело было отдохнувшим. Меридианы гудели ровно, без боли. Четвёртый уровень концентрации держался устойчиво.

Сегодня я решил снова сходить на свой склон.

У меня было три причины.

Во-первых, мне нужны были травы для продажи. Деньги были необходимы, чтобы купить ингредиенты для создания обычных пилюль концентрации ци — тех, что помогут мне дойти до десятого уровня.

Во-вторых, я хотел помедитировать. Даже несколько часов в месте, где энергия текла свободно, могли дать мне за-

пас силы для перехода на следующий уровень.

В-третьих, мне нужны были травы, которые помогут создать пилюли. Без них всё было бы намного дороже — пришлось бы покупать готовые ингредиенты, а на это уходили бы деньги, которых у меня пока не было. Я решил убить трёх зайцев одним выстрелом.

Снова в путь:

Как следует выспавшись, я снова взял корзину.

Попрощался с дядей, выпил чаю, взял с собой лепёшку, завёрнутую в тряпицу. Вэн Чен посмотрел на меня, покачал головой, но ничего не сказал. Только кивнул на дверь.

— Иди, — сказал он. — Только возвращайся.

— Вернусь, — ответил я.

И я снова пошёл в своё место — туда, где медитировал. Поход занял у меня снова три дня.

Первый день я шёл в сторону склона, собирая травы по дороге. Луга, редкий лес, каменистые тропы — всё это я уже знал. Но каждый раз находил что-то новое: то кустик с яркими цветами, то корень, наполовину скрытый в земле, то стебель с необычным запахом.

Я собирал всё, что могло пригодиться.

Но особенно искал те травы, которые были нужны для создания пилюль концентрации ци до десятого уровня.

Поиск нужных трав:

Я полз наверх по склону, внимательно осматривая землю.

Мне нужны были травы, которые более концентрированы.

Те, что лучше пригодятся для пилюль — сделают их успешнее, продвинутее. Такие, которые дадут возможность быстрее перепрыгивать с уровня на уровень.

Я знал, что искать.

Трава должна была быть не просто редкой. Она должна была иметь правильную структуру энергии: плотную сердцевину, чистый сок, отсутствие посторонних примесей. Я проверял каждую находку, сжимая стебель между пальцами, прислушиваясь к тому, как отзывается энергия.

Одни травы я отбрасывал сразу. Другие — откладывал в отдельный карман корзины.

К вечеру первого дня у меня уже была приличная коллекция. Но я не останавливался. Мне нужно было больше.

Сутки медитации:

Собрав необходимое количество трав, я добрался до своего места — небольшого выступа на склоне, где раньше медитировал.

Здесь было тихо.

Ручей по-прежнему падал с небольшой высоты, разбиваясь о камни. Ветер шевелил траву у подножия скал. Небо над головой было чистым, глубоким, безоблачным.

Я сел в позу медитации. И сутки не вставал.

Я не считал часы. Я просто сидел, дышал, направлял ци по меридианам. Энергия этого места была не такой мощной, как на вершине, но для меня сейчас её было достаточно. Я чувствовал, как она наполняет меня, укрепляет источник,

расширяет каналы.

За сутки я не поднялся на новый уровень. Но я накопил силу, и на данном этапе, мне этого хватало.

Дорога в город:

Спустившись вниз со склона горы, я не пошёл в деревню. Я пошёл в город.

Я знал, что до города Крепких Стен идти больше суток. Но мне нужно было продать травы по хорошей цене и найти ингредиенты для изготовления пилюль. В деревне я мог выручить максимум пару серебряков. В городе — больше.

Я шёл не спеша.

Наслаждаясь погодой, тишиной, хорошим настроением. Птицы пели в лесу. Ветер шевелил траву у обочины. Солнце грело спину. Я жевал лепёшку, запивал водой из фляги и думал о том, что ждёт меня впереди.

Город был большим.

Там были лавки, рынки, мастера, секты. Там можно было найти всё — если знать, где искать. И у меня было время, чтобы разобраться.

Город Крепких Стен:

К вечеру следующего дня я увидел стены.

Они были высокими, серыми, сложенными из огромных камней. Над ними поднимались крыши домов, башни, тонкие струйки дыма. Ворота были открыты, и через них текли люди — торговцы, путники, стражники, простые жители.

Я вошёл в город вместе с потоком. Внутри было шумно.

Пахло специями, дымом, рыбой, кожей, цветами. На улицах стояли лотки, лавки, телеги. Люди кричали, торговались, смеялись. Я шёл, внимательно осматриваясь, и искал то, что мне нужно.

Мне нужно было найти место, где можно продать травы. И место, где можно купить ингредиенты для пилюль. Я не спешил. Я знал: в большом городе всё есть. Нужно только найти правильную дверь.

Городские улицы:

Я шёл по Городу Крепких Стен и искал, где можно продать травы повыгоднее.

Город был велик, и в нём легко было заблудиться. Улицы петляли между домами, то сужаясь до узких проходов, то расширяясь в небольшие площади. Над лавками висели вывески, расписанные яркими красками. Где-то пахло жареным мясом, где-то — специями, где-то — кожей и железом.

Я обходил лавки одну за другой.

В первой мне предложили два серебряка за всю корзину. Во второй — два с половиной.

В третьей торговец даже не стал смотреть внимательно, махнул рукой: «Максимум три, и то из жалости». Я не спорил. Просто кланялся и уходил.

Наконец я нашёл небольшую лавку на тихой улице, недалеко от рынка. Хозяин был немолод, с седыми волосами и усталым взглядом. Он перебрал травы так же внимательно, как бабка в деревне: нюхал, смотрел, щупал корни.

— Четыре серебряка, — сказал он наконец.

Я посмотрел на него. Цена была честной. Не щедрой, но честной. Я кивнул.

— Согласен.

Он отсчитал монеты, и я получил свои четыре серебряка.

Столовая и совет:

После сделки я проголодался.

Я нашёл небольшую столовую недалеко от рынка — простую, чистую, с длинными столами и запахом свежего хлеба. За пять медных монет мне дали миску горячего супа, кусок хлеба и чай.

Я ел медленно, думая о следующем шаге.

Когда управляющий подошёл убрать посуду, я спросил:

— Скажите, а где в городе можно купить ингредиенты для пилюль концентрации ци?

Он посмотрел на меня с интересом.

— Для пилюль? Ты практик?

— Начинающий, — ответил я.

— Тогда иди к Лавке Трёх Лун, — сказал он. — Она на улице Серебряных Фонарей. Там продают всё, что нужно для начинающих. Ингредиенты, сосуды, травы. Скажи, что от меня — может, скидку дадут.

Я поблагодарил его и вышел.

Лавка Трёх Лун:

Улица Серебряных Фонарей была узкой и тихой.

Фонари на ней действительно были серебристыми — тон-

кие, изящные, с мягким светом внутри. Лавка Трёх Лун стояла в конце улицы, с вывеской в виде трёх полумесяцев.

Внутри пахло травами, смолой и чем-то сладким.

За прилавком стоял худой мужчина с внимательными глазами. Я назвал себя, упомянул столовую, и он кивнул.

— Что нужно?

— Ингредиенты для пилюль концентрации ци, — сказал я. — Для практика до десятого уровня.

Он кивнул и начал выкладывать на прилавок небольшие свёртки, склянки, связки трав. Я смотрел, оценивал, торговался. В итоге я купил необходимое на три серебряка.

Травы, порошки, несколько капель эссенций, немного минеральной пыли. Всё, что нужно для создания пилюль концентрации. Немного, но достаточно для первой партии.

Уже собираясь уходить, я спросил:

— А где в городе можно приготовить пилюли? У меня нет котла.

Мужчина подумал и сказал:

— Иди к мастеру Хэю. Он на улице Медного Молота. Сдаёт в аренду котёл для приготовления. Скажи, что от Лавки Трёх Лун.

Мастер Хэй:

Улица Медного Молота была шумной.

Здесь работали кузнецы, жестянщики, алхимики. Звон молотов, шипение пара, запах горячего металла и дыма. Мастерская Хэя находилась в конце улицы — широкое помеще-

ние с высоким потолком, где стояло несколько котлов разного размера.

Мастер Хэй был крупным мужчиной с обожжёнными руками и спокойным взглядом.

Я объяснил, что мне нужно.

Он провёл меня к небольшому котлу в углу — не самому большому, но чистому, с хорошей формой и ровными стенками. Котел для пилюль начального уровня концентрации.

— Для пилюль концентрации — достаточно, — сказал он. — Трое суток аренды — серебряк.

Я осмотрел котёл. Да, для моих пилюль этого было достаточно. Я мог сам лично изготовить себе пилюли, используя ингредиенты, которые купил.

— Согласен, — сказал я и протянул серебряк.

Мастер Хэй взял монету, кивнул и указал на котёл.

— Три суток. Не сожги.

Я улыбнулся.

— Постараюсь.

Начало работы:

Я разложил ингредиенты на столе рядом с котлом.

Травы, порошки, эссенции, минеральная пыль. Всё было готово. Всё, что нужно для первой партии пилюль концентрации ци.

Я зажёг огонь под котлом.

Пламя вспыхнуло, и в мастерской стало теплее. Я начал работу — медленно, аккуратно, соблюдая последователь-

ность, которую помнил из прошлой жизни.

Сначала — подготовка основы. Потом — добавление трав. Потом — контроль температуры, контроль энергии, контроль времени.

Я работал сосредоточенно, не отвлекаясь ни на что.

За стенами мастерской шумел город. Люди ходили, торговали, кричали. Но здесь, у котла, была тишина — та самая, которую я любил. Тишина работы. Тишина сосредоточения.

И я начал изготавливать пилюли.

Глава четвертая.
Ошибки, пилюли, и новые уровни

У меня был большой опыт в изготовлении пилюль.

В прошлой жизни я делал их огромное количество — сотни, если не тысячи. Я знал температуру, время, последовательность, знал, как энергия ведёт себя в котле, как реагирует на травы, как меняется при добавлении того или иного ингредиента.

И сейчас, используя весь этот опыт, я старался выжать из этого котла максимум. Я хотел сделать пилюли высокого качества. И хотел сделать это быстро.

Я стоял у котла, следил за пламенем, за цветом пара, за тем, как меняется смесь внутри. Всё шло хорошо. Слишком хорошо. И в этот момент, когда я думал о том, что я всесильный и всё могу, что прямо сейчас выдам пилюли высочайшего качества, я передержал.

Влил лишнего. Энергии оказалось слишком много. А сам котел слишком низкого уровня. Он спалил мои пилюли.

Я почувствовал это по запаху — резкому, горькому, неправильному. Я поспешил, открыл котёл, вытащил то, что там было.

Пилюли были чёрными. Безжизненными. Явно сгоревши-

ми. Первый опыт получился бракованным.

Урок усвоен:

Я сел на пол рядом с котлом. Несколько минут просто сидел, глядя на чёрные комки в ладони. Потом закрыл глаза и начал медитировать. Успокаивал ум. Успокаивал тело.

Я понял простую вещь: даже имея такой огромный опыт, как у меня раньше, я ничего не добьюсь, если буду действовать так, как действовал тогда. То, что было раньше, — мертво.

Я в новом теле. И начинать надо всё сначала.

Да, у меня есть мозги. Есть знания. Есть опыт. Но тело слабое. Меридианы узкие. Источник мал. И потому сейчас мне нужно всё сделать с нуля — медленно, аккуратно, без спешки.

Я открыл глаза. Встал. И начал заново.

Вторая попытка:

Я аккуратно подготовил новую партию. На этот раз я не спешил.

Я следил за каждым этапом: за температурой, за цветом, за запахом, за тем, как реагирует смесь. Я не пытался выжать максимум. Я просто делал свою работу — ровно, спокойно, без лишних амбиций.

Постепенно пилюли начали готовиться. Одна за другой. Я не считал их. Я просто работал.

Проходили часы. За стенами мастерской шумел город, но я не слышал его. Я был здесь — у котла, с травами, с энер-

гией, с задачей.

И к концу второй половины третьих суток у меня было на руках более двадцати пилюль. Двадцать две пилюли малого качества. Целых двадцать две.

Они лежали у меня на ладони, слабо светились. Было видно: в них много энергии. Это были пилюли концентрации ци — те, что могли помочь практику дойти до десятого уровня.

Я понимал: до десятого уровня мне их не хватит. Но проскочить два-три уровня — они бы позволили.

Вопрос энергии:

Теперь оставался вопрос: где взять дополнительную энергию, чтобы получить эти уровни?

Вариантов было несколько.

Первый — идти обратно на свою площадку, на склон, и медитировать. Там энергия текла свободно, и я мог накопить её за несколько дней.

Второй — вернуться в деревню, отдохнуть, а потом снова отправляться за травами. Продать их, купить ещё ингредиентов, сделать ещё пилюль.

Но денег у меня не осталось. И энергии тоже было мало. Я стоял у выхода из мастерской, сжимая в руке свёрток с пилюлями, и думал.

Пока ответа не находил. Но я знал одно: стоять на месте нельзя.

Выход из города:

Я взял свои пилюли, поблагодарил мастера Хэя за предо-

ставленный котёл и вышел из мастерской.

Улица Медного Молота встретила меня шумом и запахом дыма. Люди ходили туда-сюда, телеги скрипели, где-то кричали торговцы. Я шёл через город к воротам, держа свёрток с пилюлями под мышкой.

За спиной оставались лавки, мастерские, шумные улицы. Впереди была дорога. И выбор: гора или деревня.

Я вышел из Города Крепких Стен, когда солнце уже клонилось к западу. Дорога вела вниз, к долине, к деревне Талый Ручей. Я остановился на минуту, оглянулся на город — большой, шумный, полный возможностей — и пошёл дальше.

Куда именно — я уже решил и ноги уже несли меня вперёд.

Староста, который меня не любит:

Перед выходом из города я снова заглянул в столовую — в то самое чудесное заведение, где пахло дымом очага, свежим хлебом и мясными блюдами. Там я оставил пять медяков за вкусный обед, а ещё за один медяк взял пару лепёшек в дорогу.

Сытый и довольный, я решил возвращаться на вершину своего утёса — туда, где прежде медитировал. Я хотел провести там два-три дня и постараться максимально продвинуться в новом ранге. Сколько смогу пройти уровней — столько и пройду. Опыт у меня был, знаний хватало, а пилюли я приготовил для себя просто отличного качества, хоть они были

и простого уровня. Если удастся дойти до десятого уровня — прекрасно. Не получится — что ж, получу столько, сколько смогу.

С лепёшками за пазухой и большой надеждой в груди я отправился обратно, к своему каменному выступу. Шёл я долго, больше суток. Горы вокруг становились всё выше и тише: кедры сменялись бамбуковыми рощами, ручьи — узкими серебристыми нитями между камней, а над тропой всё чаще плыли облака, задевая влажной белизной скалы.

По дороге я решил собрать ещё трав — чтобы не ходить туда и обратно понапрасну. Денег у меня почти не оставалось, лишь пара десятков медяков, а мне предстояло вернуться в деревню, отдать долг дяде и продать травы обеим бабкам, чтобы хоть что-то осталось на будущие ингредиенты.

На пологих склонах близ моей горы я нашёл несколько довольно редких растений. Их листья были покрыты тонким серебристым пухом, а корни пахли холодом и камнем. Я наполнил корзину доверху и поднялся на свой выступ.

Три дня я медитировал там, где ветер пел в расщелинах, а внизу блестела Лазурная Ветвь. За это время я съел все двадцать две пилюли и поднялся до восьмого уровня концентрации Ци. Дальше идти не получалось: для девятого уровня требовалось ещё как минимум с десяток пилюль. А значит — снова варить пилюли низкого качества, как сейчас, либо среднего, но к ним на порядок дороже ингредиенты и нужно

снова идти в город, снова арендовать котёл и покупать все заново. На всё это нужны были деньги, которых у меня практически не осталось.

Я взял полную корзину трав и стал спускаться в деревню. Через полдня я был в ней.

Сначала я зашёл к одной бабке. Она выкупила половину корзины, ворча и упираясь, будто каждая медяшка стоила ей куска сердца. Мы долго спорили, но в конце концов я выторговал за эту половину один серебряк.

Потом я пришёл ко второй бабке — той, которой прежде носил корень. Она выкупила вторую половину за один серебряк и двадцать медяков. Травы там были немного ценнее: я специально оставил для неё самые редкие. Я понимал, что денег у неё тоже немного, поэтому заранее разделил корзину на две части.

С двумя серебряками и почти пятьюдесятью медяками в кармане я пошёл к дяде Вэн Чену — отдать оставшийся долг. Расплатившись, я поел у него и заплатил восемь медяков. После этого в кармане осталось около шестидесяти медяков. Эти деньги я решил сберечь: в будущем они должны были стать ингредиентами для новых пилюль.

— Дядя Вэн, — спросил я, — есть ли в деревне какая-нибудь надобность? Может, нужно найти травы или добыть какие-нибудь ингредиенты у зверей — то, что нам необходимо?

Дядя задумался, вытирая руки о передник.

— Лучше обратись к старосте, — сказал он наконец. — Он точно знает, что требуется деревне. У нас есть рабочие, есть охотники, что регулярно ходят в дальние леса и собирают подобные вещи. Староста расскажет подробнее.

До заката оставалось ещё время. Солнце стояло низко, окрашивая крыши деревни в тёплый медный цвет, а за околицей темнели дальние хребты. Я решил не откладывать и пошёл к дому старосты — узнать, что он может мне предложить.

У нашего старосты был самый большой дом в деревне. Он стоял на возвышении, среди старых вязов и цветущих кустов, и казался не просто жилищем, а маленькой крепостью среди полей. Перед крыльцом белела ухоженная дорожка, усыпанная мелким гравием; вдоль неё цвели цветы, наполняя вечерний воздух густым, летним ароматом.

Я подошёл к дому и постучал в дверь.

Навстречу вышел высокий мужчина с длинными седыми волосами, собранными в аккуратную плетёную причёску. Его глаза были острыми и внимательными, а борода — густой, серебристой. Он погладил её ладонью и посмотрел на меня так, будто уже знал обо мне больше, чем я сам успел сказать.

— Так-так-так, — протянул он. — Кого я вижу? Кто это к нам пожаловал? Местный дурачок, который в последнее время откуда-то достаёт редкие травы хорошего качества и продаёт их нашим бабкам. Даже интересно: откуда ты их бе-

рёшь? Нашёл хранилище какого-нибудь практика? Признавайся.

— Нет, уважаемый, — ответил я, опустив голову. — Просто долго пас овец и нашёл несколько хороших мест, где растёт много редких трав. Не за один раз нашёл, а постепенно. А теперь понял, что пасти овец невыгодно: денег это почти не приносит, а у меня долги. Хочу со всеми рассчитаться. Продажа трав даёт хоть какие-то деньги.

— Вижу, как тебе деньги необходимы, — сказал староста. Его взгляд скользнул по мне, задержался на груди, на руках, на дыхании. — Восьмой уровень концентрации Ци. Ты мне вот что скажи: ты думаешь, я совсем дурак? Не вижу, откуда у тебя восьмой уровень? Ещё недавно у тебя даже первого не было. Да, я знал: меридианы у тебя есть, ты мог стать практиком. Но за последние… сколько я тебя не видел? Две недели? Две недели — и восьмой уровень? Я такого не слышал. Первый раз вижу.

Он сделал шаг ближе. В его голосе уже не было насмешки — только холодное любопытство.

— Объясни мне, молодой человек, как, не будучи учеником ни одной из сект, не принадлежа ни к какой общине, ты стал практиком восьмого уровня концентрации Ци? Нашёл какой-нибудь артефакт?

— Да нет, что вы, — как можно беспечнее ответил я. — Просто медитировал очень много.

— Сколько? Десять лет?

— Нет… Целых две недели.

Староста приподнял бровь.

— Пилюли купил? Откуда? — предположил он.

— В городе. Я же говорю: продаю травы, покупаю пилюли. Съедаю пилюлю, медитирую, расширяю каналы, наполняю их энергией — и прорываюсь на следующий уровень. Так и дошёл до восьмого. Но всё, я упёрся в потолок. Дальше не знаю, что делать.

Я постарался выглядеть простовато, почти виновато, будто сам не понимаю, как всё это со мной случилось.

Староста хмыкнул.

— А вижу я, что потолок у тебя действительно восьмой уровень. Пробиться не можешь. Ну и понятно. Люди годами медитируют, пилюли едят горстями, чтобы до девятого уровня дойти. А он: «Я медитировал на полях — и вот теперь не знаю, что делать». Конечно, не знаешь. Чтобы пробиться на девятый, а тем более на десятый, тебе нужна ещё целая горсть пилюль и не меньше трех месяцев медитации. Откуда ты эту горсть возьмёшь? Она стоит как десять коров.

— Ну а что вы можете мне предложить? — спросил я. — Я хочу понять, где заработать денег, купить пилюли, снова сесть в медитацию и попробовать прорваться на девятый. А если повезёт — на десятый уровень.

— Ишь какой шустрый, — усмехнулся староста. — На девятый, на десятый… Ты хоть представляешь, сколько это стоит? Даже я, находясь на среднем уровне Основы, больше

тридцати лет шёл к своему уровню. А ты хочешь за месяц прорваться? Нет, извини, так не бывает.

Он помолчал, глядя на меня уже без интереса.

— Что могу предложить? Ничего. У нас есть кому добывать ценные материалы из зверей. Есть кому носить травы. Есть кому продавать. А ты никакой местной общине не принадлежишь. Ты не рабочий, не крестьянин, не торговец, не знахарь, не пахарь, не охотник. Я даже не знаю, кто ты. Ходил где-то со своими овцами — и вдруг пришёл ко мне, хочешь, чтобы я помог тебе прорваться на девятый уровень Ци? Нет, извини. Это мимо.

Он закрыл передо мной дверь.

Тяжёлая створка мягко, но окончательно легла в косяк. За ней стихли шаги старосты, и дом снова погрузился в вечернюю тишину.

Я стоял на белой дорожке среди цветов, ошарашенный. Над деревней Талый Ручей догорал закат, дальние горы темнели одна за другой, а где-то далеко, над Пиком Высокого Лотоса, уже зажигались первые звёзды.

Я решил сходить к дяде. Узнать, почему староста захлопнул передо мной дверь и что вообще происходит в этой деревне у подножия Нефритового хребта.

За окнами столовой плыл туман, цеплялся за склоны, стекал в долину тонкими белыми нитями. Где-то далеко шумела река Лазурной Зари, и от этого звука казалось, что весь мир дышит медленно и спокойно. Только мне почему-то бы-

ло неспокойно.

Я вошёл в столовую. Пахло дымом, варёной крупой и травами. Вэн Чен стоял у очага, помешивал в котле какое-то блюдо и что-то тихо напевал себе под нос.

Я сел рядом с ним за стол.

— Дядя, объясни, пожалуйста, что происходит, — сказал я. — Почему я обратился к старосте, а он передо мной просто захлопнул дверь?

Вэн Чен даже не обернулся. Сначала он тихо хмыкнул. Потом плечи его задрожали. Потом он рассмеялся в голос — так, что ложка едва не выпала из руки.

— Ты совсем дурак, — выдавил он сквозь смех, — или притворяешься?

Я молчал.

— Ты чё, забыл, что староста двадцать раз тебя просил? Двадцать! — Вэн Чен вытер выступившие слёзы. — Он хотел определить тебя к рабочим, чтобы вы вместе трудились, и ты смог что-то зарабатывать. А ты там филонил и отлынивал.

Он снова захохотал.

— Потом тебя отправили с собирателями трав. Ну и что? Несколько раз сходил — и всё. Ничего делать не хотел. На тебя жаловались. А теперь ты хочешь, чтобы этот человек тебе помог?

Дядя вытер глаза фартуком и покачал головой.

— Да уж…

Я сидел, глядя в пар над котлом, и медленно осознавал

масштаб собственной глупости.

Вот, значит, как. Надо было предыдущему владельцу этого тела вести себя иначе. С власть имущими нельзя так, как с ветром в горах — пришёл, ушёл, никого не спросил. Тут нужны уважение, терпение и, пожалуй, немного подобострастия.

А этот придурок просто игнорировал старосту.

Коров не выпасывал. Траву не собирал. От работы увиливал, как рыба от невода. И теперь я, с открытым сердцем и честными намерениями, пошёл к человеку, которому двадцать раз откусывал руку, — а он мне дверь в лицо.

Ладно хоть по башке не треснул. С его силой я мог отлететь от той двери метров на пять.

— Значит, буду думать, что делать дальше, — сказал я тихо.

Вэн Чен наконец повернулся ко мне. В его глазах ещё блестели слёзы от смеха, но взгляд стал мягче.

— Думай, — сказал он. — Только в этот раз думай не о том, как избежать работы, а о том, как её сделать.

За окном туман начал сходиться. За Бамбуковым пиком Небес садилось солнце.

Я вздохнул. Похоже, путь к дао начинался не с медитации и не с секретных техник. А с коров, травы и старосты, которому наконец придётся понравиться.

У порога старосты:

Утро над Долиной Спящего Журавля было прозрачным и

холодным. Туман ещё не успел подняться с реки, и крыши деревни казались островами в белом море. Вдалеке темнели склоны Бамбукового пика Небес, а над ними, тонкой голубой чертой, лежало небо — чистое, высокое, без единого облака.

Я постоял перед домом старосты, поправил корзину за спиной и глубоко вдохнул.

«Ни гордости, ни обиды, — сказал я себе. — Только уважение. И немного подобострастия. Немного — это сколько? Наверное, много».

Я постучал.

Дверь открылась не сразу. Староста выглянул наружу, увидел меня и сразу нахмурился.

— Ты опять?

— Староста, — я поклонился ниже, чем следовало, — прошу простить меня. Я был глуп. Вы не раз предлагали мне работу, а я.… — я вздохнул, — я отлынивал. Я понимаю это теперь. Прошу, дайте мне ещё один шанс.

Он молчал, разглядывая меня так, будто пытался понять, не спятил ли я за ночь.

— Дядя объяснил? — наконец спросил он.

— Рассказал, где я был не прав.

— И ты решил, что, если извиниться, я сразу дам тебе работу?

— Нет, староста. Я решил, что если не извинюсь, то точно не получу.

Уголок его рта дрогнул. Почти улыбка.

— Хорошо, — сказал он. — Раз уж ты пришёл с поклоном, а не с пустыми словами, проверю тебя. Деревне нужны травы для лекарств и настоек. Не те, что растут у дороги. Настоящие.

Он назвал мне три растения:

— Цветок Лунной Слезы — растёт у холодных ручьёв, в тени скал. Корень Серебряного Оленя — ищи там, где мох лежит на северной стороне камней. И лист Туманного Журавля — он цветёт только на влажных склонах, где утром всегда стоит дымка.

Я кивнул, запоминая каждое слово.

— Двое суток, — сказал староста. — Не больше. Принесёшь все три — поговорим. Не принесёшь — не приходи больше с просьбами.

— Будет сделано, староста.

Он уже закрывал дверь, но вдруг остановился.

— И, Вэн... — сказал он, не оборачиваясь. — В лесу сейчас неспокойно. Ходить в одиночку опасно.

— Понял.

Дверь закрылась. На этот раз — не перед моим носом.

В Туманный лес:

Я вышел из деревни, когда солнце ещё висело низко над горами. Тропа вела на запад, к Туманному лесу — огромной полосе чёрной зелени, которая тянулась вдоль подножия Нефритового хребта. Днём он казался просто лесом. Но чем ближе я подходил, тем яснее чувствовал: это место дышит.

Воздух здесь был густым, влажным, пропитанным запахом хвои, мокрой земли и чего-то сладкого, незнакомого. Между стволами плыл туман. Он не рассеивался, а жил — поднимался от земли, обвивал ветви, скользил между папоротниками, как белые змеи.

Я шёл медленно, прислушиваясь не только ушами, но и ци. В прошлой жизни я умел чувствовать потоки энергии на расстоянии сотен ли. Сейчас от этого умения осталась лишь тень — но и тень была дороже золота.

К полудню я нашёл Цветок Лунной Слезы.

Он рос у ручья, в расщелине между двумя серыми валунами. Лепестки его были бледно-голубыми, почти прозрачными, и в них дрожали капли воды. Когда я наклонился, чтобы срезать его, цветок словно вздрогнул — и на мгновение мне показалось, что в его сердцевине мелькнула луна.

— Спасибо, — тихо сказал я и бережно положил его в корзину.

Корень Серебряного Оленя нашёлся ближе к вечеру, под нависшей скалой, где мох действительно лежал только с северной стороны. Он был похож на изогнутый рог — тонкий, серебристый, тёплый на ощупь. Я выкопал его аккуратно, не повредив соседних ростков.

А вот лист Туманного Журавля не находился.

Я поднимался всё выше. Лес редел, уступая место крутым склонам, поросшим папоротником и низким бамбуком. Внизу уже темнело. Река Лазурной Зари превратилась в тонкую

серебряную нить. Где-то далеко кричала птица — одиноко, протяжно, будто звала кого-то по имени.

И тогда я почувствовал его.

Сначала — как холод между лопаток. Потом — как давление в воздухе. Ци вокруг меня сгустилась, потяжелела, словно невидимая рука легла мне на плечи.

Из тумана вышли глаза. Два жёлтых огонька, горящих в полумраке.

Зверь пятого уровня:

Зверь вышел на поляну медленно, не скрываясь.

Это был волк — но не обычный. Крупный, выше моего пояса, с чёрной шерстью, по которой пробегали тонкие серебристые искры. Его когти оставляли на камне глубокие борозды. От его пасти тянуло сыростью и железом.

Пятый уровень концентрации ци.

Для меня сейчас — противник в принципе почти равный. Но я без оружия. Только нож для трав.

Я медленно отступил, не сводя с него глаз. Сердце колотилось, но разум, к моему удивлению, был спокойным. В прошлой жизни я видел чудовищ, перед которыми этот волк показался бы щенком. Страх — это тоже ци. Если дать ему волю, он съест тебя раньше зверя.

Волк рыкнул. И прыгнул.

Я едва успел уйти в сторону. Когти прошлись по воздуху там, где секунду назад была моя грудь, и расщепили молодой бамбук, как сухую соломинку. Я покатился по склону, вско-

чил, выхватил нож.

Против такого зверя нож — почти шутка. Но не для того, кто помнит техники.

В моей памяти, глубоко под слоями новой жизни, шевельнулось что-то старое. Забытое. Низкое по уровню — в прошлой жизни я бы даже не назвал это техникой. Но сейчас...

«Каменный Кулак Раннего Рассвета».

Простейшая техника. Первая, которой учат детей в сектах. Удар, в котором вся ци тела собирается в одну точку.

Я выдохнул. Ци — тонкая, слабая, едва теплая — потекла по меридианам. Я направил её в правую руку. Костяшки пальцев налились тяжестью, будто в кулаке оказался камень с горного склона.

Волк атаковал снова. На этот раз я не отступил.

В последнюю секунду я шагнул вперёд — внутрь его прыжка, туда, где зверь не успевал развернуть силу, — и ударил.

Кулак врезался ему в основание черепа. Раздался треск — не такой, как ломаются кости. Такой, как трещит лёд на реке весной.

Волк взвыл. Его тело шлёпнулось на камни, прокатилось несколько раз и замерло. Жёлтые глаза ещё горели несколько мгновений — а потом погасли.

Я стоял, тяжело дыша. Пятый уровень против моего восьмого, и так тяжело. А если бы он был шестого, чтобы я тогда делал. Я слишком слаб.

Добыча:

Я подошёл к зверю осторожно. Он был мёртв — но в его теле ещё теплилась ци, густая и плотная, как смола.

«Когти, — подумал я. — Клыки. И сердце. Из этого можно сделать основу для пилюль концентрации».

Я работал быстро, пока энергия не рассеялась. Сердце зверя оказалось на удивление лёгким — тёмно-красным, почти чёрным, и в нём, как в углях, тлели серебряные искры. Когти я срезал все — они был твёрже стали и пахли остывшим металлом.

В корзине теперь лежали три редкие травы для старосты, десяток трав для продажи и сердце и когти хищного зверя. Достаточно. Больше, чем достаточно.

Возвращение:

Я вернулся в деревню на закате второго дня.

Староста ждал меня у своего дома. Увидев корзину, он сначала не поверил. Потом подошёл, заглянул внутрь — и его лицо медленно изменилось.

— Все три? — тихо спросил он.

— Все три.

Он вынул Цветок Лунной Слезы, повертел в руках. Потом Корень Серебряного Оленя. Потом лист Туманного Журавля.

— Где ты их нашёл?

— В Туманном лесу. На северных склонах.

— И… это? — он кивнул на когти, торчащие из-под тря-

пицы.

— Подарок от одного волка, — сказал я. — Он был настроен не очень дружелюбно.

Староста посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах было что-то новое — не презрение, не раздражение. Уважение. Осторожное, но настоящее.

— Ты изменился, Вэн — сказал он.

— Пришлось, староста.

Он помолчал. Потом положил руку мне на плечо — тяжёлую, тёплую.

— Деревне нужен человек, который умеет находить травы. Не просто собирать — находить. Видеть, где растёт, чувствовать, когда зреет. Ты справился. Считай, дверь для тебя больше не закрыта. Вот тебе 3 серебряка за них.

Я поклонился.

— Спасибо, староста.

— Не благодари, — он уже отворачивался к дому. — Работай. И, Вэн...

— Да?

— В следующий раз, когда пойдёшь в Туманный лес, — возьми кого-нибудь с собой. Не потому, что можешь не справиться. А потому, что деревне ты нужен пока живым.

Я усмехнулся, кивнул и пошёл прочь.

За моей спиной садилось солнце. Горы медленно наливались золотом, и туман в долине стал розовым, как лепестки Цветка Лунной Слезы. Где-то далеко шумела река Лазурной

Зари.

А я шёл к дяде Вэн-Чену — с корзиной трав, сердцем зверя и первым настоящим местом в этой новой жизни.

Глава пятая. Табличка забытой техники

Теперь мне были нужны ингредиенты для пилюль продвинутого уровня — тех, что помогали концентрировать ци и готовили тело к переходу на девятый уровень. Часть трав уже лежала у меня в котомке, но нескольких составляющих не хватало, и без города было не обойтись.

Я вернулся от старосты к дяде. Вечером мы поужинали у очага; я оставил на столе пять медяков, и дядя только покачал головой, но спорить не стал. Ночь прошла тихо. За окном каморки шумел ветер в кронах, а далеко, за отрогами, серебрилась луна над хребтом Лазурных Небес.

Наутро я собрал свои десять редких трав. Их было немного, но каждая стоила дороже обычных: стебли были крепкими, листья — живыми, а аромат горных корней отдавал холодом утреннего тумана. С таким товаром можно было торговаться.

В городе я снова пошёл по лавкам, сравнивая цены и слушая, как торговцы расхваливают свой товар. Наконец нашёл лавку, где редкие травы ценили по достоинству. Продал все десять и получил почти восемь серебряных монет.

Теперь в моём кармане было одиннадцать серебряных и

двадцать медных монет.

Сначала я отправился искать недостающие ингредиенты. Потом стал присматриваться к котлам.

Самый дешёвый котёл, который я увидел, стоил тридцать серебряных. Это был простой сосуд низшего уровня — грубый металл, неровные стенки, слабые защитные узоры. С таким котлом пилюли, конечно, можно было сварить, но половина ингредиентов ушла бы в дым. Одна часть пилюль получалась бы годной, другая превращалась в чёрный, пахнущий гарью мусор.

Мне это не подходило.

В прошлой жизни я знал технику улучшения котлов. Я помнил, какие материалы нужны, какие узоры наносить и в каком порядке направлять Ци. Но всё упиралось в деньги и редкие составляющие.

Котёл продвинутого качества стоил от восьмидесяти серебряных и дороже. Слишком дорого. Поэтому я решил: сделаю котёл сам. Соберу материалы, найду нужные травы, а если повезёт — добуду зверя и продам его когти, клыки и внутренности.

Пообедав в столовой за шесть медяков, я покинул город и направился обратно к своему склону. До горы был почти сутки пути. Ходить туда-сюда мне не хотелось, но я понимал, путь к успеху начинается с одного шага. Придется походить, ведь летать я пока не умею.

Дорога вела через широкую долину. Слева темнел лес,

справа блестела река, разбитая на множество холодных рукавов. Над равниной плыли облака, и казалось, будто небо опустилось так низко, что его можно коснуться рукой.

И тогда мне пришла мысль.

В прошлом у меня была одна техника. Не самая высокая по уровню, но редкая и необычная. Она позволяла встретить атаку и развеять её энергию, рассеять силу удара прежде, чем он коснётся тела. За тысячи лет о ней, наверное, забыли совсем.

У меня была пустая табличка. Когда-то дядя мне ее передал, лежала все это время в коморке. Я запланировал записать на неё эту технику.

Пока я буду собирать травы, у меня будет время. Я запишу всё аккуратно, скажу, что это техника моего рода, а сам использовать её не могу. Редкая техника стоит хороших денег. Возможно, за неё предложат столько, что хватит и на котёл, и на ингредиенты, и на всё остальное.

С этими мыслями я дошёл до своего склона и начал собирать траву.

Гора встретила меня привычным шумом ветра и запахом влажной земли. Внизу лежала долина, вдали темнели хребты, а над всем этим простиралось чистое, глубокое небо — такое, будто мир был бесконечным.

Сколько же здесь трав:

Я вернулся в свою деревню, когда над крышами уже опустились синие сумерки. В каморке было тихо; никого не бы-

ло — только лёгкий запах пыли, сухого дерева и трав, оставшийся от прежних дней.

Я забрал оттуда пустую табличку. Сел в позу медитации, закрыл глаза и стал вспоминать старую, почти забытую мусорную технику. Воспоминания приходили медленно, словно туман, поднимающийся с горных равнин: линии начертания, дыхание энергии, порядок движения Ци.

Постепенно табличка наполнилась этой техникой.

Когда я закончил, за окном уже стояла глубокая ночь. Я лёг на кровать и уснул — мне нужно было отдохнуть перед дорогой в город.

Утром я позавтракал, заплатив пять медяков, взял пару лепёшек в путь и собрал всё необходимое: наполненную корзину трав, часть редких ингредиентов, табличку с «родовой» техникой и немного денег. Травы были достаточно редкими, чтобы в городе продать их дороже. Я рассчитывал, что после продажи всего этого мне хватит на хороший котёл.

Не успел я выйти из деревни, как меня окликнула бабка.

— Продай мне траву, — сказала она.

— Нет, — ответил я. — Мне самому она нужнее. В городе продам дороже.

Бабка ушла недовольная, что-то ворча себе под нос. Меня это не тронуло: я понимал, что она хотела купить траву подешевле, а потом перепродать подороже.

Дорога в город, как всегда, была неблизкой. Стояла середина лета. Солнце висело высоко, палило безжалостно, и

воздух дрожал над пыльной дорогой. Но какая разница — жизнь продолжалась, и меня это вполне устраивало.

Мне было хорошо. Я был в теле. Я был жив. Я наконец-то дышал свободной грудью.

У меня был восьмой уровень концентрации Ци. Я прекрасно понимал: скоро девятый, затем десятый, а там и до пятнадцатого рукой подать. Я шёл и предвкушал этот путь.

В город я вошёл, доев последние лепёшки, и прошёлся по лавкам. В одной из них мне дали хорошую цену за травы — почти девять серебряных монет.

Оставалось продать табличку.

Я решил не искать лишнего и снова зашёл в столовую. Время уже приближалось к обеду. Пообедав — семь медяков за сытный, вкусный обед, — я спросил у управляющего, кому можно продать родовую технику.

— Иди на улицу Нефритовых Лавок, — сказал он. — Там есть один торговец, который покупает и продаёт техники.

После обеда я направился туда.

Продавец долго рассматривал табличку. Вертел её в руках, прищуривался, словно читал не строки техники, а саму судьбу рода, оставившего её после себя.

— Мальчик, — наконец сказал он, — старшие в курсе, что ты продаёшь такую редкую технику? Это ведь ценная вещь.

— Старших у меня нет, — ответил я. — Я последний в роду. Сам я лишь на восьмом уровне концентрации Ци. Эта техника рассчитана на практиков от уровня Основы до уров-

ня Ядра. Для меня она — непозволительная роскошь. Я не могу её использовать. Поэтому продаю. И жду честной цены.

Продавец ещё долго молчал, взвешивая что-то в уме.

— Могу дать два золотых, — сказал он наконец. — Больше вряд ли найдёшь. Разве что обратишься к мастерам известных сект — там, возможно, дадут дороже. Но попасть к ним… — он усмехнулся. — Нужно подняться на самый пик Небесных Гор, найти их обитель, пройти через мастеров и охрану. Скорее всего, тебя просто не пустят и отметелят.

Два золотых.

Я даже не надеялся на подобное. Это были деньги как минимум на котёл среднего уровня — и купить его я мог прямо сейчас.

— Цена меня устраивает, — сказал я. — Хотя жалко, конечно. Техника родовая, редкая… хотелось бы подороже.

Продавец покачал головой.

— Нет. Больше двух золотых я дать не могу. Техника действительно стоящая, но два золотых — мой предел.

Я согласился. За мусорную технику я получил целых два золотых. Вот это да. Я же раньше это за технику даже не считал, мусор и мусор. В итоге получил два золотых на руки.

Для меня это было целое состояние. Первые большие деньги в этом мире. Конечно, по меркам местных торговцев это были небольшие деньги, но для меня — настоящий капитал. В кармане лежали 2 золотых, и 20 серебряшек с медяками.

С этими деньгами я пошёл в лавку котлов. Теперь я мог выбирать осознанно. Потому что от котла зависело очень многое.

Лавка Нефритового Пламени:

Лавка котлов находилась в конце улицы, там, где Серебряные Фонари переходили в квартал кузнецов и алхимиков. Ещё издалека я услышал звон молотов, шипение воды на раскалённом металле и тяжёлый, густой запах угля, глины и травяного дыма.

Над входом висела вывеска: **«Лавка Нефритового Пламени»**.

Внутри было прохладно. Высокий потолок уходил вверх, как своды горного грота; вдоль стен стояли котлы — от маленьких, размером с чайник, до огромных, в которых мог бы уместиться взрослый человек. Одни были из тёмного железа, другие из красной глины, третьи блестели бронзой, медью и зеленоватым нефритом.

За прилавком стоял пожилой мастер с седой бородой, собранной в короткий пучок. Он смотрел на меня без особого интереса — до тех пор, пока я не сказал, что меня к нему порекомендовали в столовой.

— Мне нужен котёл, — сказал я. — Для пилюль концентрации Ци и по возможности для перехода на основу. Хочу выбрать не на один месяц.

Мастер поднял брови.

— Это стоит серьёзных денег для мальчишки с пустой

корзиной.

— Я знаю, сколько они стоят, — ответил я. — Поэтому и хочу выбрать правильно.

Он хмыкнул, но в его взгляде появилось уважение.

— Тогда идём.

Три котла:

Мастер провёл меня вглубь лавки, где стояли три котла, отобранные, судя по всему, специально для тех, кто не хотел покупать первую попавшуюся вещь.

Первый был невелик — из тёмной глины, покрытой тонким слоем глазури цвета вечернего неба.

— **Котёл Глубокого Ручья**, — сказал мастер. — Дешёвый, надёжный. Равномерно держит жар, но слабо проводит Ци. Для обычных пилюль — хорош. Для редких трав — уже не всегда.

Он стоил восемнадцать серебряных. Хорошая вещь, но я сразу почувствовал: этот котёл будет сдерживать меня.

Второй был больше — из бронзы с медными кольцами по бокам. Его стенки были тонкими, а внутренняя поверхность отполирована до зеркального блеска.

— **Котёл Девяти Огней**, — продолжил мастер. — Дороже, и жар распределяет куда лучше. Подходит для пилюль среднего качества. Если будешь работать аккуратно, сможет служить тебе до уровня Основы.

— Сколько?

— Девяносто серебряных.

Я провёл ладонью по прохладному металлу. Котёл был хорош, но что-то в нём казалось мне слишком… обычным. Надёжным, но без характера.

И тогда мастер подвёл меня к третьему.

Котёл Лунной Капли, - продолжил мастер, показывая рукой.

Он стоял в стороне, на деревянном помосте, и был меньше остальных — невысокий, округлый, с широким горлом и тремя короткими ножками. Сделан он был из тёмного металла с зеленоватым отливом, словно в нём растворили кусочек горного нефрита.

По бокам шли тонкие линии, похожие на русла ручьёв. Когда я приблизился, линии едва заметно засветились.

— **Котёл Лунной Капли**, — тихо сказал мастер. — Старая работа. Не знаю, кто его делал, но металл держит Ци лучше, чем многие современные котлы. Жар не рвётся, энергия не рассеивается. Для того, кто умеет ждать, — отличная вещь.

— Цена?

Мастер посмотрел на меня внимательно.

— Золотой и десять серебряных.

Я молчал.

Денег хватало. У меня после покупки котла еще останется 1 золотой и 10 серебряных — но для меня сейчас это была ощутимая разница.

Я выложил на прилавок один золотых. Потом достал де-

сять серебряных, оставшихся от продажи трав.

— Вот держите.

Мастер долго смотрел на монеты, потом на меня.

— Хитрый ты, — сказал он наконец. — Но честный. Ладно. Котёл твой. Забирай.

Я кивнул.

— Только не урони. Этот котёл переживёт многих из нас — если его не разобьют.

Я спросил у него, можно ли мне приобрести у него простой мешок-хранилище для вещей, какие выдают ученикам секты? Продавец кинул на стол кошель, самый простой, с ограничением по размеру, весу и количеству. Стоил он 1 золотой. Я заплатил и забрал его, привязав к поясу. Теперь я был укомплектован, и котел отправился в кошель. Но денег фактически не осталось.

Докупив еще ингредиентов для пилюль, я отправился домой.

Дорога домой:

Я шел через весь город, и он оказался таким прекрасным и живым. Впервые за долгое время у меня было всё, что нужно для начала настоящего пути: травы, ингредиенты, деньги, техника — и теперь котёл.

Котёл Лунной Капли:

Когда я вышел за городские ворота, солнце уже клонилось к западу. Дорога лежала вперёд, к деревне, а за деревней — к горам, лесам и тихим долинам, где росли травы, ждущие

своих рук.

Я шёл и чувствовал, как внутри поднимается спокойная, уверенная сила. Впереди была работа. Впереди были пилюли и этот котёл, который станет первым настоящим инструментом на моём пути.

Я вернулся в деревню к вечеру. В каморке было тихо; за окном догорал закат, окрашивая крыши в медный цвет, а вдалеке темнели холмы, будто спящие звери.

Пообедав и немного отдохнув, я приступил к экспериментам.

Котёл Лунной Капли стоял передо мной на низком деревянном помосте. Его тёмный металл с зеленоватым отливом тихо блестел в свете масляной лампы, а тонкие линии по бокам, похожие на русла горных ручьёв, едва заметно мерцали.

Я разложил ингредиенты: травы, порошки, эссенции, немного минеральной пыли. Всё было готово.

Первый эксперимент начался уверенно. И сорвался.

Я влил в котёл слишком много энергии — смесь вскипела, потемнела, и через мгновение от пилюли остался только чёрный комок.

Вторая попытка тоже не удалась: я передержал смесь, и она пересохла, растрескавшись по дну котла.

Третья — не додержал. Энергии оказалось слишком мало, и травы не смогли соединиться, рассыпавшись в бесполезный пепел.

Три попытки. Три провала. Я сел на пол, прислонившись спиной к стене, и стал думать.

— Может, котёл не такой? — прошептал я.

Но нет. Я чувствовал котёл ладонью, слушал его дыхание, следил за тем, как энергия течёт по его стенкам. Котёл был стоящий. С ним всё было в порядке.

Значит, ошибался я.

Понимание:

Я снова сел в позу медитации. Закрыл глаза. Успокоил дыхание. Передо мной лежали ингредиенты — последние, что у меня были.

Я стал вспоминать всё, что делал.

Слишком много энергии. Слишком мало. Слишком долго. Слишком коротко. И вдруг меня осенило.

Котёл Лунной Капли не просто держит энергию — он её усиливает.

Я давал энергию с избытком, полагая, что котёл, как обычные, лишь сохранит её. Но этот котёл брал мою Ци, впитывал её в свои тёмные стенки и возвращал обратно — сильнее, чище, плотнее.

Моя ошибка была в том, что я давал слишком много. Энергию надо было давать ровно и постепенно — котёл сам её возьмёт и усилит. Я открыл глаза. В них горел холодный, ясный огонь понимания.

— Вот оно, — тихо сказал я.

Первая пилюля:

Я начал заново. Медленно. Аккуратно. Почти нежно.

Разжёг огонь. Дал котлу прогреться. Стал добавлять энергию — не сразу, не разом, а тонкой струёй, постепенно наращивая, держа на определённом уровне дольше, чем привык.

Котёл отозвался.

Его стенки мягко засветились, линии по бокам ожили, и я почувствовал, как энергия внутри закружилась, собралась в плотный вихрь, впитывая в себя силу трав, порошков и эссенций.

Я не спешил.

Следил за цветом пара. За тем, как меняется смесь. За тем, как котёл ведёт энергию, направляя её, шлифуя, очищая. Часы тянулись медленно.

За стенами каморки шумела деревня, где-то лаяли собаки, где-то перекликались люди. Но я не слышал ничего. Я был здесь — у котла, с травами, с энергией, с задачей.

И наконец — Свет.

Из котла поднялся тонкий столб синеватого сияния. Я поспешно снял крышку — и на ладони у меня лежала пилюля. Она светилась ярким синеватым цветом, ровным и чистым, как лунный свет на воде.

Пилюля продвинутого уровня. На девятый уровень концентрации Ци. Я долго смотрел на неё, не веря своим глазам.

Первая пилюля. Получилась. И не просто получилась — вышла на ранг выше, чем я рассчитывал.

— Замечательно, — прошептал я.

План на тридцать пилюль:

Я прикинул: чтобы гарантированно перейти на десятый уровень, мне нужно около двадцати таких пилюль. Но я решил не останавливаться на достигнутом.

— Сделаю тридцать, — сказал я себе. — В запас. Чтобы наверняка.

Ингредиентов хватало. Времени — тоже. Я закрыл каморку, чтобы никто не мешал, запер дверь и сел у котла.

Работа предстояла долгая. Но я не боялся. Я знал теперь, как работает этот котёл. Знал его характер, его силу, его секрет.

Котёл Лунной Капли был не просто сосудом для варки пилюль.

Он был партнёром. И я был готов работать с ним столько, сколько потребуется.

Ночь опустилась на деревню. За окном зажглись звёзды — холодные, далёкие, бесчисленные. А внутри каморки тихо мерцал синеватый свет — свет первой пилюли, первой победы, первого настоящего шага на пути к десятому уровню.

Я улыбнулся. И начал варить вторую партию.

Я снова стоял у котла, и в горной тишине деревни его ровное дыхание казалось почти ритуалом. За сутки пламя под котлом прожило собственную жизнь: то прижималось к медному брюху, то вспыхивало алыми языками, будто в глубине металла просыпался маленький огненный дух. Когда всё закончилось, котёл скрипнул крышкой и выдал целый ог-

ненный фейерверк — искры взмыли к потолку мастерской, окрасив стены в цвет заката над Лазурными Небесами.

Когда Вэн снял крышку, в котле лежали двадцать семь пилюль: семнадцать обычных, восемь продвинутого качества и две — высокого. Значит, этот котёл не просто позволял готовить пилюли на уровень выше; он давал редкий шанс, чтобы качество поднялось ещё выше. Я долго смотрел на них, и в груди у меня разливалось тихое, почти детское торжество. Котёл был великолепен — вероятно, стоил куда дороже, чем я за него заплатил. Похоже, продавец так и не понял, какое сокровище упустил.

Забрав пилюли, Вэн подумал, что в деревне тоже можно заработать: травы здесь росли щедро, а умение превращать их в пилюли пока было редким. Он вспомнил слова старосты о нужных травах и решил: сначала — на утёс, к своему излюбленному месту медитации, а по дороге можно пособирать всё, что попадётся под руку.

Старосты дома не оказалось. Вэн нашёл его на полях, где деревенские собирали пшеницу. Над равниной стоял золотой шум: серпы мерно взрезали колосья, ветер гнал по стерне тёплые волны, а вдалеке синели отроги Бамбукового Пика Небес. Люди стояли кучкой и о чём-то тихо говорили — видно, обсуждали что-то важное для деревни. Я постоял в стороне, пережидая, пока староста не подозвал его.

— Я собрался на несколько дней уйти медитировать и заодно поискать травы, — сказал я. — Если деревне что-то

нужно, я к вашим услугам. Времени у меня достаточно.

Староста посмотрел на меня с тем же подозрительным прищуром.

— Медитировать? — переспросил он. — Ты чего, на девятый уровень собрался?

— Да. В городе, когда продавал травы, купил пилюль. Хочу попробовать выйти на девятый, а там, может, и на десятый.

Староста изумился так, будто я сказал, что намерен взойти на Луну.

— Покажи пилюли.

Я достал семнадцать обычных пилюль. Староста взял одну, повертел в ладони, поднёс к носу — и его брови медленно поднялись.

— Откуда у тебя такие деньги? Целых семнадцать пилюль…

— Собирал травы целую неделю, несколько раз ходил в город, продавал. Вот и насобирал.

Староста ещё раз взглянул на меня — уже иначе, внимательнее, — но пилюли вернул.

— Хорошо. Раз идёшь медитировать, приурочим к этому и сбор трав. Запоминай: мне нужно десять трав. — Он перечислил названия и места, где их можно отыскать, но тут же добавил: — Только имей в виду: места те не обжитые. Люди там ходят редко, а хищники водятся. Ты однажды уже с таким встречался. Возможно, будет опаснее, чем в прошлый

раз. Лучше возьми людей с собой. Не боитесь — вооружитесь и сходите. Через три дня часть трав мне будет нужна. Идите — за деньги не переживай, я понял ты парень их быстро тратишь.

Я кивнул, но про людей решил не спрашивать. Свои нычки мне показывать не хотелось: слишком много вопросов, слишком много лишних глаз. Я лучше пойду сам — помедитирую, стану сильнее, а потом соберу траву. В три дня я точно не уложись, поэтому распределю силы просто: два дня — на медитацию и прорыв хотя бы к девятому уровню, ещё сутки — на сбор.

Список трав я спрятал за пазуху, проверил нож, воду и немного провизии. Вечер опускался на деревню мягко и золотисто: дым от очагов поднимался к чистому небу, пшеничные поля дышали теплом, а за ними темнели леса, где пахло хвоей, сырой землёй и далёкой опасностью. Вэн поправил котомку и зашагал к утёсу — туда, где ветер срывался с края мира и уносил с собой всё лишнее.

Я решил никого не брать. Взял только плетёную корзину, нож, флягу с водой и немного хлеба — и до рассвета вышел из деревни, пока дороги ещё держали ночную прохладу. Никаких попутчиков, никаких лишних глаз: свои тропы, свои травы и свои секреты я предпочитал не делить.

Утёс встретил меня знакомым ветром. Внизу расстилалась долина — пшеничные поля уже сжали, и они лежали

ровной золотисто-серой гладью; дальше темнели крыши деревни, а над ними поднимались синие плечи Бамбукового Пика Небес. Я сел на привычный камень, закрыл глаза и позволил миру вокруг раствориться.

Два дня прорыва:

Первые часы медитации шли тяжело: тело помнило усталость дороги, а Ци двигалась в каналах медленно, словно вода после долгой зимы. Но пилюли обычного качества постепенно растворялись во внутренней теплоте, и энергия становилась плотнее, послушнее.

Я не спешил. Вдох — и Ци струилась по каналам, расширяя их; выдох — и она оседала в даньтяне, становясь глубже и тяжелее. К концу первого дня каналы уже не жгло, а наполняло: словно в узкие горные русла впустили весеннюю воду, и она, набирая силу, промывала каждый изгиб.

На вторые сутки внутри меня поднялся привычный тугой барьер. Я не боролся с ним грубо — просто продолжал вести Ци, снова и снова, пока преграда не дрогнула. Раздался тихий внутренний толчок, будто где-то в груди лопнула тонкая ледяная корка.

Девятый уровень Ци.

Я открыл глаза. Небо над утёсом было чистым и высоким, воздух — прохладным и прозрачным. Я чувствовал себя легче, сильнее, но времени почти не осталось: староста ждал травы через трое суток, а двое из них уже ушли. Оставался буквально один день.

Тропа в горы:

Я поднялся и пошёл вверх. Нужные травы в низине не росли — староста был прав: они любили высоту, каменистые склоны, холодный ветер и скудную почву. Сначала тропа была пологой, потом исчезла вовсе, и Вэн карабкался прямо по склону, цепляясь за корни и выступы.

Гора менялась с каждым подъёмом. Внизу ещё пахло травой и пылью дорог, выше начинались папоротники, мох, тонкие ручьи, сбегавшие по чёрным камням. Я собирал всё, что узнавал по описанию: несколько трав нашёл быстро, но две-три никак не попадались. Пришлось подниматься всё выше, пока деревня внизу не стала россыпью светлых точек, а горизонт не распахнулся до самой кромки неба.

Стоя на открытом склоне, я вспомнил слова старосты: часть трав может расти и в том лесу, куда люди почти не ходят. Туда забираются лишь большими группами охотников — потому что в чаще живёт слишком много диких и опасных зверей.

Лес, куда не ходят:

Колебался я недолго. С девятым уровнем Ци я был уже не тем мальчишкой, которым был раньше. Спустившись с горы, я через несколько часов достиг края того леса.

Лес стоял неприветливо и величаво. Деревья здесь были старыми, высокими, их кроны смыкались так плотно, что даже полдень внутри превращался в зеленоватые сумерки. Под ногами лежал толстый слой мха, воздух пах сыростью, пре-

лью и чем-то диким, незнакомым.

Вошёл я осторожно, не углубляясь. И почти сразу начал находить нужное: несколько трав из списка старосты прятались у корней, в тени валежника, возле влажных промоин. Брал я только то, что узнал точно, и всё время прислушивался: где-то далеко хрустнула ветка, где-то глухо качнулись ветви.

Но дальше я не пошёл. Не рискнул.

Я был один, без оружия, без защитной техники. А в глубине леса, судя по всему, росли травы куда ценнее — те, из которых можно варить пилюли продвинутого и даже высокого качества. Такие травы редко растут беззащитно: их охраняет либо зверь, либо сама дикая сила места. Рисковать сейчас было глупо.

Развернувшись и выйдя из леса, я уносил корзину с добычей и ясное понимание: сюда он вернусь точно — но попозже и подготовленным.

Глава шестая. Прорыв и второй бой

В деревне староста принял травы с искренней радостью.

— Взял-таки себя в руки, — сказал он, перебирая стебли. — Редкие травы, хороший уровень. Такие в городе дорого берут.

Он отсчитал мне пятнадцать серебряных и добавил:

— Через пару недель подойди ко мне снова. Будет для тебя отдельное задание.

Я поблагодарил его и спрятал монеты. Сумма была небольшой, но после долгих дней сборов и тревог она снова дала мне ощущение опоры: деньги в кармане, травы в корзине, девятый уровень в теле и впереди — возможность стать ещё сильнее.

Возвращение к утёсу:

Дома я отдал дяде пять серебряных — за все годы помощи, за крышу, за еду, за то, что дядя не задавал лишних вопросов. Дядя сначала отказывался, потом всё же взял, буркнув что-то о «непоседливом племяннике». Вместе мы пообедали, и я лёг спать пораньше.

Проснулся до рассвета.

Было около четырёх утра, когда я вышел из дома. Небо

ещё держало ночь, но на востоке уже проступала бледная полоса. Деревня спала, дороги были пусты, и только петухи где-то перекликались сквозь тишину. Я шёл к своему утёсу, с которым мне сильно повезло, неся с собой последние запасы:

7 пилюль обычного качества;

8 пилюль продвинутого качества;

2 пилюли высокого качества.

В прошлый раз, за двое суток, я потратил десять обычных пилюль, чтобы пробить девятый уровень. Теперь я планировал медитировать не меньше пяти-шести дней — чтобы пробить десятый уровень Ци, а если хватит сил и удачи, то двинуться и к одиннадцатому.

Поднявшись на утёс, я сел на привычный камень и закрыл глаза.

Внизу медленно светлела долина. Первые лучи солнца тронули вершины дальних гор, потом скользнули по облакам, по лесам, по тёмной глади реки и я сделал вдох. И моя медитация началась.

Медитация завершилась на десятом дне — и я вышел из неё у самого порога одиннадцатого уровня концентрации ци. Для тела, которое ещё недавно едва ползло по камню, это было почти невероятно; но я знал: ущелье отдало мне всё, что могло, и дальше его тонкие потоки станут лишь медленной рекой там, где мне нужен горный водопад.

Предел ущелья:

Десять дней я не вставал с холодного камня. Ци стекала

сюда по трещинам скал, собиралась у ручья и мягко входила в тело, а я расширял меридианы, убирал застои и укреплял их стенки — так, как когда-то делал это в пещере на Пике Высокого Лотоса.

Сначала я пробил десятый уровень. Потом, израсходовав все простые и продвинутые пилюли и даже две высокого качества, подошёл к пику одиннадцатого. Это был великолепный результат для столь короткого срока, но энергия вокруг меня стала слишком слабой: я чувствовал, как каждый вдох приносит всё меньше силы, словно пил воду из пересыхающего ручья.

Оставаться здесь означало двигаться медленно. Я не хотел этого. Первые низкие уровни я намеревался пройти быстро — с моим опытом, знанием формаций, трав и законов ци это было бы преступлением против собственной памяти, если бы я полз, как обычный новичок.

В прежней жизни в больших городах существовали особые места, которые сдавали в аренду практикующим. Там из глубин земли поднимались плотные струи ци, собирались в закрытых залах и позволяли быстрее подниматься по уровням. Такие комнаты стоили дорого, но я помнил их устройство — и был почти уверен, что в местном городе найдётся нечто подобное. Нужно будет расспросить мастеров.

Дорога к запретному лесу:

Я спустился с площадки за несколько часов. Гора постепенно отпускала меня: каменистые тропы сменялись редким

лесом, лес — широкими лугами, а впереди темнела полоса, о которой говорил староста, — запретный лес.

Он лежал ниже деревни, там, где земля становилась сырой, а воздух — тяжёлым от запаха мха, гнили и невидимых цветов. Высокие деревья стояли так тесно, что их кроны смыкались над головой, превращая день в зеленоватые сумерки. Свет падал редкими золотыми столбами, и в каждом таком столбе кружилась пыльца, словно пчёлы рассыпали свет.

Я шёл осторожно. Лес был красив, но красота здесь не означала безопасности: слишком густо пахло чужой ци, слишком часто ветви дрожали без ветра. Пройдя чуть вглубь, я остановился. Впереди, в небольшой прогалине, происходило то, ради чего стоило рискнуть.

Битва за цветок:

Два зверя дрались за цветок.

Одно существо напоминало скорпиона, только слишком большого и слишком неправильного: панцирь отливал тусклой бронзой, хвост с жалом поднимался и опускался, как чёрная змея, а из-под сегментов тела сочилась едкая влага, шипящая на мокрой земле. Вторым был волк — крупный, серо-серебристый, с длинной шерстью, которая стояла дыбом вдоль хребта. Его глаза горели зелёным огнём, а когти оставляли на стволах глубокие светлые борозды.

По их аурам я не мог определить уровень точно: сам был слишком слаб. Но чувствовал — восьмой, девятый, возмож-

но даже десятый уровень. Для меня оба были смертельной опасностью.

А рядом с ними, у подножия старого дерева, сверкал цветок.

Он был невелик, но переливался всеми цветами радуги: то вспыхивал алым, то становился лазурным, то рассыпался по лепесткам золотыми искрами. Вокруг него воздух дрожал, а ци сходилась к нему тонкими невидимыми нитями. Я сразу понял: это растение высокого уровня, подходящее для пилюль высокого качества. Такой цветок мог стать основой для настоящего прорыва.

И он был мне нужен.

Ожидание:

Я отступил за толстый ствол, опустился на корни и замер, прикрыв дыхание. Ци в меридианах текла ровно, почти беззвучно; я не позволял ей выходить за пределы тела. В прошлой жизни я умел ждать часами, наблюдая за врагом из тени, — теперь это умение оказалось дороже любой пилюли.

Скорпион бил хвостом, оставляя на земле чёрные подпалины. Волк уворачивался, рвал когтями панцирь, но всякий раз отскакивал, получив новую рану. Их ци сталкивалась в воздухе, и от этого дрожали листья, а с ветвей сыпались капли росы.

Я смотрел и ждал.

Проигравший будет убит, его ци — рассеяна. А победитель слишком изранен и измотан. Тогда я нанесу удар. Забе-

ру цветок, а заодно когти, клыки, внутренности и всё, что сгодится для будущих ингредиентов. В этом мире ничего не должно пропадать: даже смерть зверя может стать ступенью для того, кто умеет видеть путь.

Схватка длилась ещё долго. Я сидел за стволом древнего дерева, не двигаясь, и лишь следил за тем, как в зелёных сумерках запретного леса сталкиваются две дикие ауры.

Падение скорпиона:

Скорпион первым потерял терпение. Его хвост взметнулся вверх, и жало блеснуло в луче света, словно чёрный серп. Он ринулся вперёд, пытаясь вонзить его волку в горло.

Волк не отступил. Он низко пригнулся, пружиной ушёл в сторону — и его когти со свистом распороли панцирь у самого сочленения. Раздался сухой треск, похожий на треск льда под ногой. Из трещины брызнула тёмная жидкость, и воздух сразу наполнился резким, кислым запахом.

Скорпион взвыл — не голосом, а вибрацией, от которой задрожали листья и с ветвей посыпались капли росы. Он хлестнул хвостом ещё раз, ещё, но движения стали медленнее. Волк поймал ритм. Один рывок — и его клыки сомкнулись на шее зверя.

Скорпион дёрнулся, скребя лапами по земле, потом затих. Его панцирь ещё слабо светился бронзовым отблеском, но аура угасала, как костёр под дождём.

Волк победил.

Раненый победитель:

Но победа не далась ему легко.

Шерсть на его боку потемнела от крови. Одна передняя лапа подгибалась, дыхание было тяжёлым, рваным. Он постоял над телом врага, прислушиваясь к лесу, потом медленно повернулся к радужному цветку.

Я почувствовал, как моё сердце забилось быстрее. Сейчас. Пока он ранен. Пока его ци рассеяна яростью и болью.

Волк наклонил голову к цветку — и в этот миг я вышел из-за дерева.

Не бегом. Не с криком. Я двинулся так, как учили меня сотни лет назад: тихо, сливаясь с тенью, сохраняя дыхание ровным, а ци — внутри меридианов. На одиннадцатом уровне концентрации я всё ещё был для него слишком слаб, но у слабости есть одно преимущество: её недооценивают.

Волк поднял голову. Зелёные глаза встретились с моими.

На мгновение лес замер. Даже ветер, шевеливший листву, будто остановился. Я видел, как в его взгляде мелькнула усталость, ярость — и холодная оценка. Он понял, что я не случайный путник. Он понял, что я ждал.

И всё же он был слишком ранен, чтобы отступить.

Удар:

Волк рванулся первым.

Он был быстрым даже когда ранен: серая молния метнулась через прогалину, земля глухо застонала под лапами. Я не стал встречать его в лоб. В прошлой жизни я сражался с чудовищами, перед которыми этот зверь показался бы щен-

ком, — и помнил главное: не спорить с силой, а направить её.

Я шагнул в сторону, пропуская когти в волоске от плеча, и вложил всю ци в ладонь. Энергия прошла по меридианам резкой горячей волной, собралась в точке между пальцами — и ударила волка в раненый бок.

Он взревел.

Удар был недостаточно силён, чтобы убить, но достаточен, чтобы вскрыть свежую рану. Волк покачнулся. Я не дал ему опомниться: второй удар пришёлся в основание передней лапы, туда, где когти уже не держали его уверенно.

Зверь рухнул на одно колено.

Я отскочил назад, не пытаясь добить его сразу. Опыт говорил: раненый дикий зверь опаснее здорового. Волк поднял на меня глаза — в них уже не было ярости, только тускнеющий зелёный огонь. Он попробовал встать, но лапа не выдержала.

Тогда я нанёс последний удар.

Цветок радуги:

Когда всё закончилось, лес снова ожил. Где-то застучал дятел, вдалеке закричала птица, и тонкие лучи солнца дрогнули в листве. Я стоял над двумя телами, тяжело дыша. Ци в меридианах гудела от напряжения, а руки слегка дрожали — не от страха, а от того, что тело ещё не привыкло к такой работе.

Я подошёл к цветку.

Он рос у самого корня старого дерева, окружённый коль-

цом мягкого света. Лепестки переливались алым, золотым, лазурным и фиолетовым, будто в них было заключено маленькое небо. Когда я наклонился ближе, я почувствовал густой, сладковатый аромат — и понял: даже один такой цветок способен заметно улучшить качество моих пилюль в разы.

Я срезал его осторожно, вместе с частью земли и тонкими светящимися корешками, завернул в чистую ткань и убрал в кошель. Цветок нельзя было хранить на солнце — его ци начала бы улетучиваться, благо я купил кошель с пространством внутри и могу теперь туда складывать небольшие вещи.

Потом я занялся зверями.

Когти волка, клыки, куски шкуры, внутренности, железы скорпиона, его жало и осколки панциря — всё могло стать ингредиентом. Я работал быстро и точно, не испытывая ни жалости, ни азарта. В этом мире смерть была частью круговорота ци: зверь жил, сражался, пал — и теперь его сила могла послужить тому, кто сумел выжить.

Когда все было собрано, я поднял голову и посмотрел в глубину запретного леса. Там, за стволами, темнота становилась плотнее, а воздух — холоднее. Я чувствовал: этот лес хранил ещё много тайн. Но сегодня я получил своё.

Радужный цветок. Материалы для пилюль. И ещё одно подтверждение: даже с телом новичка мой дух помнил, как выживать.

Победа дала мне больше, чем материалы и радужный цветок. В момент, когда аура волка угасла, остатки его ци — дикой, плотной, пропитанной яростью леса — влились в моё тело, и я почувствовал, как внутри что-то наконец прорвалось.

Двенадцатый уровень:

Я стоял над двумя телами, и ци продолжала стекать в мои меридианы. Она была грубой, горячей, почти обжигающей, но моё тело, закалённое десятью днями медитации, приняло её. Каналы расширились ещё на волосок, источник в даньтяне дрогнул — и граница одиннадцатого уровня лопнула, как тонкий лёд под утренним солнцем.

Двенадцатый уровень концентрации ци.

Я сделал вдох — и весь лес словно стал ближе. Я слышал, как капли росы срываются с листьев, как далеко в чаще шуршит что-то мелкое, как ветер проходит между стволами. Тело стало лёгким, мысли — быстрыми и чистыми. Мне казалось, что я могу сокрушить гору одним ударом ладони.

Разум тут же усмехнулся этой иллюзии. Гора не сокрушится. Но ощущение было прекрасным: после месяца слабости и боли я чувствовал, как сила постепенно возвращается в тело.

Путь к пятнадцатому уровню

Я присел на корни старого дерева и спокойно оценил своё положение.

До пятнадцатого уровня оставалось три ступени. Обыч-

но практики проходили их по одной, медленно и мучительно: копили ци, расширяли меридианы, ждали, пока тело привыкнет к новой плотности энергии. На это уходили годы.

Но я помнил то, чего не знали большинство.

Если иметь достаточное количество продвинутых пилюль и несколько высокого качества, а рядом — мощный источник ци, эти три уровня можно пройти почти одним рывком. Не потому, что энергия станет сильнее, а потому, что правильно подготовленные меридианы способны принять её большими волнами, без долгих пауз между прорывами. Ну и конечно техника прорыва.

В прошлой жизни я потратил на путь от концентрации последнего уровня ци до начального уровня основы почти год. Я ошибался, торопился в одних местах и слишком осторожничал в других. Сейчас я хотел пройти тринадцатый, четырнадцатый и пятнадцатый уровни за месяц, а ещё через месяц — выйти на создание основы. Для практиков местных школ, цифра невероятная.

После пятнадцатого уровня всё станет сложнее: закончится этап наполнения тела ци, и придётся формировать основу. Но это была отдельная дорога, и я решил подходить к ней отдельно, без спешки и без ошибок прошлого.

Что нужно для рывка:

План сложился быстро.

Собрать травы для пилюль концентрации ци высокого качества.

Переработать материалы волка и скорпиона: когти, клыки, железы, жало, осколки панциря.

Разузнать о специальных местах, где из земли поднимаются плотные потоки ци и которые сдают в аренду практикующим.

Использовать радужный цветок как главный ингредиент для продвинутых пилюль — он мог стать основой моего рывка к пятнадцатому уровню.

Использовать технику Рассеивания (Разрыва меридиан). Но к ней нужно подготовиться.

Я аккуратно собрал всё, что осталось после боя. Когти волка, клыки, прядь серебристой шерсти, внутренности, железы скорпиона, его жало и куски бронзового панциря — всё было ценностью. Даже кровь, впитавшаяся в землю, ещё хранила слабый отзвук звериной ци.

Радужный цветок я завернул в чистую ткань, стараясь не касаться лепестков пальцами и убрал его к кошель.

Дорога домой:

Я поднялся и пошёл к деревне.

Лес постепенно расступался. Тёмные стволы сменялись редкими деревьями, затем — кустарником, а дальше открылись широкие луга, залитые мягким вечерним светом. Вдали блестела река, и над деревней Талый Ручей поднимались тонкие ниточки дыма от очагов.

Я шёл быстро, но не торопился. Ци ровно циркулировала по меридианам, тело слушалось, а в кошельке лежало всё,

что могло приблизить меня к следующему рывку. В нем были так же серебрушки и медяки, помимо ингредиентов и трав, а вместе с ними — надежда на то, что в городе найдутся нужные ингредиенты и место, где я смогу приготовить настоящие пилюли.

Двенадцатый уровень концентрации. Радужный цветок. Материалы двух зверей. И месяц времени.

Для человека, который когда-то стоял в шаге от уровня Вопрошания, это было не богатство. Но для молодого пастуха с кошельком трав — это было начало настоящего пути.

Глава седьмая. Звери

Я вернулся в деревню, когда над крышами уже поднимался вечерний дым. Солнце уходило за дальний хребет, и его последние лучи красили крыши, глиняные заборы и мокрые листья у колодцев в цвет старой меди. Внизу, за деревней, темнела равнина, а ещё дальше, у горизонта, серебрилась река Лазурная Ветвь — тонкая светлая нить между тёмными полями.

В своей каморке я разложил всё, что имел.

На грубом деревянном столе легли травы: горький корень туманного женьшеня, несколько пучков синего мха, сушёные цветы вечернего колокольчика, смола горного ладана. Рядом я поставил когти волка, его внутренности, так же части от скорпиона. Купленный в городе порошок из кости горного зверя и маленький свёрток с кристаллизованной ци. Всё это я пересчитал, понюхал, взвесил на ладони.

Потом сел и стал раскладывать будущий путь.

Чтобы пройти с двенадцатого уровня на тринадцатый, мне нужны были травы, укрепляющие меридианы. Для четырнадцатого — что-то, способное расширить русла энергии и удержать более мощный поток. А для пятнадцатого, по-

следнего уровня перед Основой, требовалось уже не просто количество: нужен был чистый источник ци, спокойное место и время, чтобы тело привыкло к новой силе.

Я понял простую вещь: денег у меня не хватало.

Их хватало, может быть, на один рывок. Но не на три уровня подряд, не на аренду комнаты в городе, где ци земли собирается в тихих подвалах и медитационных залах, не на покупку всех компонентов сразу.

— Нужно в город, — сказал я себе. — Найти помещение с сильным потоком энергии. Закупить травы. И тогда прорваться.

Я представил, как сижу в каменном зале, где воздух плотен от духовной энергии, как меридианы раскрываются один за другим, а ци течёт по ним уже не ручьём, а широкой горной рекой.

Но прежде, чем думать о городе, я вспомнил: меня ждёт староста. У него было ко мне какое-то предложение.

Разговор со старостой:

Дом старосты стоял ближе к центру деревни, под старым вязом. В его окнах горел тёплый свет. Я постучал.

Дверь открылась почти сразу. Староста вышел на крыльцо, поднял на меня глаза — и замер.

Он смотрел на меня долго, будто пытался увидеть во мне что-то, чего раньше не замечал. Потом его лицо изменилось: сначала недоумение, потом удивление, а затем — почти испуг.

— Как? — тихо спросил он. — Как ты дошёл до двенадцатого уровня?

Я не ответил сразу.

— Я не могу понять, — продолжил он. — Я вообще не понимаю. Это какая-то аномалия. Что с тобой происходит?

— Ничего со мной не происходит, — сказал я. — Я просто медитирую. Нашёл хорошее место, там много энергии. Медитирую, ем пилюли — и двигаюсь по уровням.

Староста прищурился.

— Просто медитируешь?

— Просто чувствую, как меридианы готовы. Они расширяются. Энергия проходит по ним всё сильнее, быстрее, мощнее. У меня получается. Уровень за уровнем.

Он покачал головой.

— Такого не бывает. Чтобы пройти с десятого уровня на одиннадцатый, нужно минимум полгода медитации обычному практику. Даже для талантливого этого времени. А ты… Ты за какое время прошёл столько?

— Недолго.

— У тебя нет учителя. Ты не в секте. Ты не знаешь техник. Откуда это у тебя? Давай, признавайся. Нашёл что-то? Артефакт? Пилюли высокого качества? Что?

— Нет, — ответил я. — Ничего такого у меня нет. Да, в городе я купил две пилюли среднего качества. Но высоких у меня не было. Артефакт я в глаза не видел. Откуда? Я же обычный босяк, всю жизнь живу в этой деревне.

Староста смотрел на меня ещё несколько мгновений.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Что-то ты не договариваешь. Я смотрю на тебя и понимаю: где-то ты хитришь.

Я ничего не сказал.

Он вздохнул.

— Ну да ладно. Сейчас не до этого.

Предложение старосты:

Он провёл меня внутрь, закрыл дверь и сел за стол. Лампа качнулась от сквозняка, и тени на стенах дрогнули.

— Ситуация следующая, — начал он. — Нам нужна жила. Она растёт в Запретном лесу, на самом краю, немного сбоку около болота. Я объясню, как до неё дойти.

Я сел напротив.

— Но там есть зверь, — продолжил староста. — Он её охраняет. С длинными когтями. Что-то вроде росомахи, только быстрее, злее. И шкура у него крепкая, как камень.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Возьми троих охотников, они все на 10 уровне ци. Попытайтесь его уничтожить. Шкура очень ценная. Когти тоже. И внутренности. Я всё куплю. Готов заплатить тридцать золотых всей компании, которая пойдёт и поможет добыть жилу.

— Тридцать золотых, — повторил я.

— Жила очень нужна деревне. Подумайте, чем будете вооружаться. Поговорите с ребятами. Уверен, у вас всё получится. Главное — сильно не рискуйте. Если почувствуете,

что тяжело, лучше отступите.

— А зверь далеко от жилы отходит?

— Нет. Он от своей берлоги не отходит. Поэтому преследовать вас не будет.

— Значит, можно сделать засаду, — сказал я. — Выманить. И добить.

— Именно. Возьми охотников. Скажешь я сказал. Они в курсе уже. Вместе с тобой, двенадцатого уровня, я думаю, у вас получится. Зверь примерно десятого-одиннадцатого уровня.

Он наклонился вперёд.

— Желаю удачи. Тридцать золотых вас ждут, если всё получится.

Я кивнул и вышел.

Ночь перед решением:

За дверью было уже совсем темно. Над деревней висели звёзды, холодные и ясные. Где-то далеко, за полями, шумел лес — низко, глухо, будто дышал во сне.

Я шёл к своей каморке и думал.

Тридцать золотых — это много. С этими деньгами я мог бы не просто пройти три уровня. Я мог бы купить всё необходимое, снять комнату в городе, где ци собирается в тихих подвалах, и прорваться на уровень Основы.

Но зверь…

Я попытался вспомнить свои старые техники. В памяти всплывали обрывки: движение руки, поворот корпуса, по-

ток энергии, который когда-то легко срезал камень. Но всё это было давно. Слишком давно. Я не был уверен, что смогу вспомнить достаточно, чтобы справиться один.

Риск был большой. Но и награда была большой.

Я остановился у своей двери, посмотрел на тёмное небо и подумал: может, стоит пойти одному? Или может, лучше взять охотников — разделить риск, разделить и награду.

Голова была тяжёлая. Тело просило отдыха.

— Завтра решу, — сказал я себе. — Сейчас поужинаю и лягу спать.

Я вошёл в каморку, закрыл за собой дверь и потушил лампу. А я лежал в темноте и думал о звере с длинными когтями, о жиле, о тридцати золотых — и о том, как далеко ещё мне предстоит пройти.

Битва:

Я сидел на ветке старого чёрного дерева, цепляясь за мокрую кору, и смотрел вниз, туда, где над чёрным входом в пещеру клубился едкий туман. Болото дышало рядом — медленно, тяжело, словно исполинское существо, заснувшее под слоем тины и мха. Вода в нём не блестела, как река Лазурная Ветвь в долине; она была тёмной, маслянистой, и в ней отражались не звёзды, а только кривые силуэты искривлённых деревьев.

Я решил идти один. У меня была идея, как победить это чудище. Я сварил один отвар, который сильно не понравится зверям в округе, и они придут к пещере, чтобы наказать

обидчика, в данный момент обидчик это - чудовище из пещеры.

Небо над лесом было низким и свинцовым. Облака цеплялись за дальние гребни гор, и казалось, что весь мир сжался до этой сырой чащи, зловонной ямы и пещеры, из которой доносилось рычание. Я со всей силы кинул колбу с отваром прямо рядом с пещерой. Колба разбилась вдребезги с громким звуком. Вонь по округе пошла страшная.

Через десять минут чудовище вылезло полностью из пещеры.

Оно было крупнее, чем я представлял. Широкая грудь, покрытая серой чешуёй, длинные передние лапы с когтями, оставлявшими борозды во влажной земле. Голова его была похожа одновременно на волчью и ящеричью: узкие глаза горели тусклым жёлтым огнём, а из пасти свисали нити слюны. От него исходила тяжёлая аура — не такая бездонная, как у практиков Пика Высокого Лотоса в прежней жизни, но для зверя одиннадцатого уровня она была ощутимой, давящей, как каменная плита на груди.

«Значит, староста не преувеличил», — подумал я.

Вокруг пещеры уже собралось несколько зверей. Один был похож на огромного кабана, только шерсть у него отливала синеватым металлом, а изо лба рос изогнутый рог. Второй — длинный, гибкий, с птичьими крыльями, сложенными за спиной, словно два рваных знамени. Третий прятался в тени у воды: я видел лишь блеск глаз и слышал, как хрустят

под его лапами сухие ветки.

Запах настоя делал своё дело.

Он забил ноздри всем сразу. Звери больше не чуяли ни болото, ни сырую землю, ни друг друга. Они чувствовали лишь эту тошнотворную вонь — и ярость, которую она будила в их крови.

Первым не выдержал рогатый кабан.

Он опустил голову, разбежался и ударил в бок чудовища с такой силой, что земля дрогнула. Чешуя на боку зверя треснула, брызнула тёмная кровь. Пещерный владыка взревел — не от боли даже, а от оскорбления. Его лапа метнулась вперёд, когти распороли воздух, и кабана отбросило в сторону, к чёрной воде болота.

Тот поднялся не сразу.

И в этот миг длинный крылатый зверь ринулся сверху. Он бил крыльями, поднимая вонь и брызги тины, царапал морду чудовища, пытаясь добраться до глаз. Пещерный зверь мотал головой, рычал, хрипел. Двое нападающих кружили вокруг него, как волки вокруг раненого тигра.

Я не двигался.

Мой дешёвый меч лежал на коленях. Лезвие его было тусклым, без узоров, без духовного сияния — обычная сталь, купленная за двадцать серебряных. Но я провёл по нему ладонью, и тонкая нить ци скользнула в металл. Меч тихо зазвенел, словно вспомнив, что ему всё-таки предстоит бой.

«Пусть дерутся», — думал я. — «Пусть режут друг друга. Мне нужен лишь момент».

Но судьба редко даёт момент просто так.

Крылатый зверь вдруг взмыл выше и заметил меня.

Возможно, его обоняние всё же оказалось сильнее, чем у остальных. Возможно, он увидел движение моей руки. Неважно. Его жёлтые глаза остановились на дереве, и он издал короткий, резкий крик — не рычание, а именно крик, похожий на скрежет железа по камню.

Чудовище у пещеры замерло.

Потом медленно повернуло голову.

Три пары глаз уставились на меня.

Я тихо выдохнул.

«Ну что ж, — подумал я, поднимаясь на ветке и сжимая рукоять меча. — Значит, план сработал не совсем так, как я хотел».

Ветер прошёл по болоту, качнул чёрные деревья и разнёс над водой запах крови, тины и моего зловонного настоя. Где-то далеко, за лесом, за холмами, за невидимыми отсюда горами, лежала деревня Талый ручей — тёплая, маленькая, с огнями в окнах. А здесь, среди мёртвой воды и сырого мрака, мне предстояло встретить зверя одиннадцатого уровня.

Я спрыгнул с дерева.

Земля приняла меня мягко, по колено в мокрой траве. Меч в руке задрожал от влившейся в него ци. Я не стал ждать, пока они окружат меня, и бросился вперёд — не к

пещере, а к самой гуще дерущихся зверей.

Я бросился не от зверей, а прямо в их середину.

Земля под ногами проваливалась в вязкую жижу, чёрная вода хлестала по голеням, и каждый шаг отдавался в теле глухой болью. Впереди ревело чудовище из пещеры — огромное, чешуйчатое, с глазами цвета гнилого золота. Рядом с ним метался рогатый кабан, а над болотом, рассекая туман крыльями, кружил длинный зверь с птичьей гривой.

Я вбежал между ними. Первым на меня кинулся кабан.

Его рог свистел в воздухе так, что казалось, будто режет сам туман. Я упал на колени, скользнул по мокрой земле и пропустил зверя над собой. Рог вонзился в ствол чёрного дерева за моей спиной — дерево треснуло от корней до вершины. Я вскочил и ударил мечом по задней лапе кабана.

Дешёвая сталь вошла неглубоко.

Но в неё была влита моя ци, и лезвие вспыхнуло бледным светом. Кабан взревел, дёрнулся — и его собственная ярость увлекла его прямо под когти пещерного чудовища.

Чудовище ударило.

Один взмах лапы — и кабана швырнуло в сторону, словно тряпичную куклу. Он врезался в камень у входа в пещеру, хрустнули кости, и зверь больше не поднялся.

«Один», — подумал я, тяжело дыша.

Крылатый зверь пикировал на меня сверху.

Я успел лишь поднять меч. Удар пришёлся в клинок, и по руке прошёл ледяной ток. Меня отбросило в чёрную воду. Я

захлебнулся тиной, почувствовал, как что-то живое шевельнулось у ноги, и с криком вырвался на поверхность.

Крылатый зверь завис надо мной. Его пасть раскрылась. И в этот миг пещерное чудовище ударило хвостом.

Хвост, толстый, как древний ствол, прошёл над моей головой и смял крылатого зверя о скалу. Посыпались камни, вода взметнулась чёрным фонтаном. Зверь упал в болото, ещё дёргаясь, но его крылья были сломаны.

«Два», — выдохнул я.

Оставалось главное чудовище.

Оно смотрело на меня. Медленно. Внимательно. В его жёлтых глазах не было ни страха, ни жалости — только голод и древняя, слепая ярость существа, привыкшего считать эту землю своей.

Я поднялся из воды.

Меч дрожал в руке. На лезвии была трещина. Тело болело, ци на исходе, а передо мной стоял зверь одиннадцатого уровня — существо, которое в прошлой жизни я уничтожил бы одним взглядом.

Сейчас же я был лишь человеком с дешёвым мечом, плохим планом и слишком большим упрямством. Чудовище рванулось вперёд. Я не стал убегать, а побежал ему навстречу.

В последний миг ушёл влево, скользнул под брюхо и полоснул мечом по внутренней стороне лапы. Кровь брызнула мне в лицо, горячая и тяжёлая. Чудовище взревело и ударило

лапой. Я успел закрыться клинком — меч лопнул пополам, а меня отбросило к скале.

Спина ударилась о камень.

Перед глазами всё поплыло. Я услышал собственное дыхание — хриплое, рваное. Пальцы нащупали обломок меча. Половина клинка. Меньше половины.

«Хватит», — сказал я себе.

И поднялся.

Чудовище шло ко мне, оставляя в грязи глубокие следы. Из его бока текла кровь, но оно ещё было сильнее меня. Я вспомнил технику пробития толщины горы, которую вспомнил вчера перед сном.

Мусорная техника. Ничтожная техника. Техника, которую в моей прежней школе не удостоили бы даже названия. Но сейчас вся моя ци, вся моя воля, весь остаток жизни собрался в обломке стали.

Я шагнул вперёд. Чудовище открыло пасть. Я нырнул под неё и ударил обломком меча в рану на его боку — туда, куда уже успел нанести первый удар.

— Пробей! — выдохнул я. Ци рванулась из тела.

Боль прожгла меридианы. Мои руки онемели, из носа потекла кровь, а обломок меча вошёл глубже, глубже, разрывая плоть и задевая что-то жизненно важное внутри зверя.

Чудовище застыло. Потом его глаза погасли.

Оно рухнуло в болото с таким грохотом, что по лесу прокатилась дрожь. Чёрная вода поднялась волной, окатила ме-

ня с головы до ног и медленно начала успокаиваться.

Я стоял рядом с его тушей и не верил, что жив. Потом колени подогнулись, и я упал на землю.

Вход в пещеру:

Несколько долгих вдохов я просто лежал, слушая, как капает вода с мокрых ветвей и как где-то в глубине леса затихает последний испуганный зверь. Болото снова стало тихим. Только запах настоя, крови и мокрой тины висел над землёй плотной, удушающей пеленой.

Наконец я заставил себя встать.

Обломок меча я выбросил. Он сделал своё дело. Вместо него я подобрал с земли длинный рог кабана — тяжёлый, острый, покрытый тонкими трещинами, но всё ещё способный служить оружием.

У входа в пещеру темнела расщелина.

Она была шире, чем я думал: почти в человеческий рост, с низким сводом, из которого свисали мокрые корни. Изнутри тянуло холодом — не обычным холодом ночи, а глубоким, каменным, словно из самой сердца горы. По стенам блестела влага. Где-то далеко, в темноте, капала вода.

Я задержался на пороге.

«Зверь одиннадцатого уровня жил здесь не просто так», — подумал я. — «Значит, внутри есть что-то, ради чего стоит рисковать».

Я вошёл.

Первые шаги были осторожными. Я прижимался к стене,

слушал каждый звук, готовый в любую секунду отпрыгнуть назад. Но пещера была пуста. Лишь узкий коридор уходил вглубь, постепенно расширяясь, и воздух становился всё холоднее и чище.

Странно.

Снаружи пахло гнилью, тиной и кровью. А здесь пахло камнем, влажным мхом и чем-то ещё — тонким, незнакомым, почти цветочным.

Я прошёл ещё несколько десятков шагов.

Коридор вывел меня в небольшую круглую полость. Лунный свет не мог проникнуть сюда, но в центре пещеры слабо мерцал бледно-зелёный отблеск. Я приблизился.

На каменном возвышении лежали кости.

Много костей. Кости кабанов, птиц, небольших ящеров — всё, что зверь притащил в своё логово за годы. Среди них блестели обломки оружия, ржавые кольца, истлевшие куски кожи. Видно, не я первый решил, что смогу справиться с хозяином этой пещеры.

Но моё внимание привлекло другое.

В нише в дальней стене, там, куда не доставал слабый зелёный свет, лежал свёрток, обёрнутый в промасленную ткань. Он был небольшим, размером с кулак, и от него исходила едва заметная волна духовной энергии.

Я замер. Эта энергия была чистой. Слишком чистой для такого места.

Я подошёл ближе и осторожно коснулся свёртка. Ткань

рассыпалась от одного прикосновения.

Внутри оказалась маленькая нефритовая табличка. На её поверхности тонкой резьбой был изображён цветок лотоса, а вокруг него — несколько строк древних символов. Я не сразу понял их смысл, но, когда ци коснулась поверхности, знаки слегка засветились.

И я услышал внутри головы тихий, ровный голос:

«Кто нашёл эту табличку — нашёл сокровище».

Я сжал табличку в ладони. Я знал, что в ней, это дух! В ней находился сильный дух.

За моей спиной, у входа в пещеру, что-то глухо ударило о камень. Я обернулся, но в темноте коридора никого не было. Только капли воды падали с потолка, отсчитывая время. Я спрятал табличку за пазуху и пошёл к выходу.

Пещера осталась позади — тёмная, молчаливая, полная костей и чужих надежд. А впереди меня ждало болото, лес, деревня Талый ручей и новый путь, который только начинал раскрываться передо мной.

Глава восьмая. Подготовка к прорыву

Деревня Талый ручей встретила меня запахом дыма, мокрой коры и свежескошенной травы. Вечернее солнце уже уходило за дальние хребты, окрашивая снежные вершины в цвет остывающего золота, а в долине поднимался лёгкий туман. Он стелился над рекой, цеплялся за прибрежные ивы и медленно расползался между домами, будто сама земля пыталась укрыть деревню от чужих глаз.

Староста стоял у ворот, беседуя с двумя охотниками. Увидев меня, он замер.

Я возвращался с охоты один. Весь — с головы до ног — я пропах чудищем: едкой кровью, гнилой шерстью и тем тяжёлым запахом, который остаётся после схватки в сырой пещере. На рукаве засохли тёмные ошмётки, на сапогах была грязь, а на поясе висела окровавленная шкура росомахи.

Староста чуть не выпал в осадок.

— Ты… — он сглотнул. — Один? Ты убил её один? Как?

Я пожал плечами и бросил на землю доказательство — тушу чудища. Она была мертва, и спорить с этим было трудно.

— Я не убивал всех зверей сразу, — сказал я, весь перепачканный кровью и остатками. — Я стравил их между со-

бой.

Староста моргнул.

— Стравил?

— В городе, в лавке, я узнал про один ядрёный состав. Пахнет он так, что звери сходят с ума от ярости. Я брызнул им на камни у входа в пещеру и ушёл подальше. Дождался.

— И что было дальше?

— Дальше они сами всё сделали. Один был крупный, лохматый, с длинными когтями. Второй — поменьше, но быстрее, с раздвоенной пастью. Третий вообще больше походил на огромную ящерицу: чешуя блестела, будто мокрый сланец. Они дрались за пещеру, за тёплое логово, за добычу. Хотели владеть ею, — каждый сам по себе. В итоге перебили друг друга.

Я кивнул в сторону гор.

— Когда всё закончилось, остался один раненый. Росомаха. Я добил её.

Староста долго молчал. По его лицу было видно: он хотел высказать мне всё, что думает. Но, похоже, среди цензурных слов не нашлось ничего достаточно выразительного, поэтому он просто молчал.

Наконец он вздохнул так тяжело, будто на его плечи опустилась целая гора.

— Доказательство есть, — сказал он, глядя на тушу. — Зверь мёртв. Деньги я должен отдать.

Он достал кошель, но пальцы его замерли над завязками.

— Только планировал я раздать награду между охотниками. Чтобы каждый купил себе недостающие ингредиенты. Чтобы деревня усилилась. А теперь выходит… всё заберёшь ты один.

Я прекрасно его понимал. Нужно было усиливать всех охотников, а не только меня. Деревня жила охотой, травами и страхом перед лесом. Один сильный практик не мог защитить её от всего сразу.

Но и мои расходы были немалыми.

— Двадцать золотых, — сказал староста наконец. — Не тридцать. Десять оставлю как бюджет на следующее задание. Разделю их между тремя охотниками, которые должны были пойти с тобой. Раз они не помогли, дам им другую задачу. Посмотрю, как справятся. Если справятся — получат эти десять золотых.

Я подумал.

Ругаться со старостой не было большого смысла. Он всё равно бы выкрутился, придумал бы что-то другое, нашёл бы тысячу причин оставить часть денег в общей казне. А я был ещё слишком молод, слишком слаб и слишком чужой здесь, чтобы ставить условия.

— Согласен, — сказал я.

В моей сумке глухо звякнули двадцать золотых.

Староста проводил меня взглядом, но ничего больше не сказал. Только когда я уже отошёл, бросил вслед:

— Больше так не рискуй, парень. Лес не прощает храбро-

сти без силы.

Я не обернулся.

Над деревней темнело. За рекой шумел лес, а ещё дальше, за чёрной стеной деревьев, поднимались горы — огромные, синие в сумерках, с вершинами, скрытыми облаками. Где-то там, в расщелинах скал, ещё жили чудища. Где-то текли ледяные ручьи, пахнущие камнем и вечным снегом. А внизу, в тёплых домах, люди готовили ужин и не знали, что сегодня один мальчишка вернулся живым из логова, куда не решались пойти трое охотников.

Дома я достал деньги и пересчитал их ещё раз.

Двадцать золотых.

Теперь можно было приступать к главному — к изготовлению пилюль высокого качества для прорыва на пятнадцатый уровень закалки.

Шесть дней у котла лунной капли:

Я поел у дяди, отоспался и снова почувствовал себя живым. В каморке пахло старым деревом, остывшим чаем и травами, принесёнными с гор. Я запер дверь, положил ключ на стол и предупредил дядю Вэн Чена:

— Не беспокойте меня минимум семь дней. Если я не выйду — не стучите, не зовите и не пытайтесь открыть дверь.

Дядя посмотрел на меня долго, будто хотел спросить, что я затеял. Но лишь кивнул:

— Только не сгори там.

Я усмехнулся. Если бы он знал, насколько близко к истине

был этот совет.

Сев у котла, я разложил все ингредиенты на чистой ткани: порошок из пыли, высушенные лепестки лунной мяты, горький лотос, собранный у подножия Бамбукового Пика Небес, капли эссенций и немного минеральной пыли. Каждый ингредиент был важен.

Я не знал, что получится в итоге. В мыслях видел десять пилюль обычного уровня, десять среднего и, если небо смилостивится, десять высокого. Но алхимия не любила планов. Она любила терпение, точность и уважение к огню.

Котёл прогрелся, и я опустился в медитацию.

Шесть дней я почти не двигался. Поддерживал пламя, следил за температурой, направлял ци в смесь. Ночами за окном шумел ветер, принося запах мокрой земли и дальних гор. Днём солнце медленно ползло по стене, словно тоже наблюдало за моей работой.

На исходе шестого дня внутри котла что-то дрогнуло.

Раздался глухой выстрел — не опасный, а торжественный, словно салют в честь завершённого дела. Облако ароматного пара вырвалось из-под крышки, окрасив каморку в бледно-золотистый свет.

Я открыл котёл.

На дне лежали пилюли. Девять обычных, двенадцать среднего качества и одиннадцать высокого. Они слабо светились, будто в каждой было заперто кусочек утреннего неба.

Я долго смотрел на них, не веря своему везению.

С таким запасом я мог попытаться прорваться на пятнадцатый уровень концентрации ци. Но впереди ждало самое опасное — разрыв и пересборка меридианов.

Это не было простым «расширением каналов». Мне предстояло разрушить собственные меридианы почти до предела и заново собрать их, используя накопленный опыт. Никто прежде не проходил этот путь именно так. Я нашёл его в старом свитке, изучал годами и однажды уже сделал это — тогда мои меридианы стали шире, пластичнее, способнее удерживать больше энергии.

Теперь предстояло повторить.

Опасность была в том, что разрушение должно произойти в момент, когда меридианы уже начинают лопаться от переполнения. В эту короткую грань между болью и гибелью нужно успеть направить ци, перестроить каналы и не дать телу рассыпаться. Будь у меня больше времени, я бы подготовился лучше. Но времени не было.

Боль будет разрывать меня изнутри. Но я уже знал эту боль. Практик без боли — как гора без ветра: стоит ровно, но не становится выше.

Собрав пожитки, я вышел из каморки, умылся холодной водой, поел, попрощался с Дядей, так как не знал, когда вернусь, и вернусь ли обратно и отправился в город. Мне нужно было найти мастера, у которого можно арендовать закрытое помещение для медитации — место, где никто не услышит моих криков и не вмешается в самый опасный момент про-

рыва.

Комната Тихого Пламени:

Город Крепких Стен встретил меня вечерним шумом. Солнце уже опускалось за зубчатую линию стен, окрашивая камень в цвет остывающего золота. По улицам текли люди: торговцы закрывали лавки, носильщики тащили корзины, где-то пахло жареным мясом, дымом очагов и мокрым камнем после недавнего дождя.

Я шёл не к воротам, а вглубь города.

Мне нужно было место, где можно запереться на несколько дней. Не мастерская с котлом и постоянными посетителями, а тихая комната с хорошей циркуляцией ци, толстыми стенами и хотя бы минимальной защитной формацией. Если разрыв меридианов пойдёт плохо, крики и выброс энергии могут привлечь лишнее внимание.

Я спросил у старика, продававшего у фонаря горячие лепёшки:

— Почтенный, где в городе можно арендовать закрытую комнату для медитации? Не на одну ночь. На несколько дней.

Старик посмотрел на меня внимательнее.

— Для медитации? — переспросил он. — Есть такие места. Только дешёвые не советую. В дешёвых стены тонкие, а соседей слышно даже сквозь сон.

— Мне нужна тишина, безопасность и Ци.

— Тогда иди к Воротам Лунного Тумана. Там есть дом

под названием «Тихое Пламя». Хозяин сдаёт комнаты практикам. Дорого, но чисто. И формация там старая, зато надёжная.

Я поблагодарил его и пошёл по указанной улице.

Тихое Пламя:

Дом стоял в конце узкого переулка, там, где шум города постепенно затихал. Он был невысоким, с тёмными балками, резными ставнями и небольшим двором, заросшим серебристой травой. Над входом висела деревянная табличка с тремя иероглифами: «Тихое Пламя».

Дверь открыл худощавый мужчина лет шестидесяти. Его глаза были спокойными, а руки — сухими и сильными, как корни старого дерева.

— Мне нужна комната, — сказал я. — Запертая. На 10 дней. Много Ци, и чтобы никто не входил, даже если услышит шум.

Хозяин внимательно оглядел меня.

— Шум?

— Возможно.

— Ты собираешься прорываться?

Я не стал отрицать.

— Да.

Он помолчал. Потом отступил в сторону.

— Комната на втором этаже. Формация гасит звук и удерживает выбросы ци. Десять дней — десять золотых. Если повредишь помещение — платишь за ремонт.

Я выложил монеты.

— Согласен.

Комната оказалась небольшой, но удобной. Каменный пол, широкое окно, выходящее на внутренний двор, низкий стол и мягкий коврик для медитации. На стене висела старая защитная печать, слабо мерцавшая бледно-голубым светом.

Хозяин показал, как активировать формацию.

— Если почувствуешь, что не справляешься, ударь ладонью вон туда. Формация выпустит сигнал. Я приду.

— Надеюсь, не придётся.

— Все так говорят, — сухо заметил он и закрыл за собой дверь.

Щелчок замка прозвучал окончательно.

Начало разрыва:

Я сел на коврик, положил перед собой свёрток с пилюлями и закрыл глаза.

Сначала нужно было подготовить тело.

Я прогнал ци по всем меридианам, медленно, внимательно, словно проверял каждый изгиб горной реки перед паводком. Энергия текла ровно, наполняя каналы, укрепляя их стенки. Пилюли высокого качества лежали рядом, источая тонкий аромат трав и минеральной пыли.

Потом я принял первую.

Горечь обожгла язык, а затем по телу прокатилась волна тепла. Ци в меридианах стала плотнее, тяжелее, сильнее. Я направил её к источнику и начал накачивать энергию.

Час. Два. Три.

Меридианы гудели. Стенки каналов натягивались, как кожа на барабане. Я чувствовал, как энергия ищет выход, давит изнутри, требует пространства.

Я принял вторую пилюлю.

Боль пришла не сразу. Сначала появилась тяжесть в груди, затем — жар в руках и ногах. Ци текла быстрее, заполняя каждый уголок тела. Меридианы расширялись до привычного предела, потом ещё немного, ещё…

И вот наступил тот момент.

Тонкие нити энергии внутри меня задрожали. Я почувствовал, как стенки меридианов начинают трескаться — не разрушиться окончательно, но подойти к самой грани.

Сейчас.

Я собрал всю волю и направил ци в точки разрыва.

Боль ударила одновременно отовсюду. Словно внутри тела лопнули тысячи тонких струн. Я не закричал только потому, что заранее сжал зубы и удержал дыхание. Пот выступил на лбу, пальцы впились в колени.

Меридианы рвались.

Но в этот же миг я начал их собирать.

Опыт, накопленный за прошлую жизнь, не исчез. Руки помнили движения, дух помнил путь энергии, а разум помнил, где именно должна пройти каждая нить ци. Я направлял энергию в разрывы, сшивая каналы заново — шире, прочнее, пластичнее.

Одна нить. Вторая. Третья.

Мир сузился до боли и ритма дыхания.

Я не знал, сколько прошло времени. Может, час. Может, больше. Формация «Тихого Пламени» поглощала выбросы ци, но даже сквозь неё в комнате иногда вспыхивал бледный свет.

Когда последняя нить встала на место, я выдохнул. Тело дрожало. Одежда прилипла к спине. Во рту стоял вкус железа. Но внутри… внутри было тихо.

Меридианы стали другими. Шире. Прочнее. Более податливые к потоку энергии. Они не просто удерживали ци — они вели её, направляли, усиливали.

Я открыл глаза.

За окном стояла ночь. Луна висела над крышами Города Крепких Стен, холодная и ясная. Где-то далеко шумел город, но здесь, в маленькой комнате, была только тишина.

Тринадцатый уровень. Я посмотрел на оставшиеся пилюли. До пятнадцатого уровня оставалось совсем немного, один шаг. И я был готов его сделать.

Врата Парящих Журавлей:

Ещё семь дней я провёл в закрытой комнате, словно в утробе горы. Семь дней боли, пота и молчания.

Каждый вдох был как глоток расплавленного металла. Ци входила в меридианы, раздирала застарелые преграды, выжигала грязь из каналов. Иногда мне казалось, что тело вот-вот не выдержит — что жилы лопнут, а сознание растворит-

ся в белом огне. Но я продолжал.

Я помнил, как когда-то проходил этот путь легко, почти не замечая его. Тогда у меня были пилюли, защитные формации, духи-помощники и тысячи лет накопленного понимания. Теперь у меня было только молодое, израненное тело, упрямая воля и память о вершине, с которой я пал.

На седьмой день, когда последняя преграда в меридианах с треском раскрылась, я почувствовал, как энергия свободно разлилась по всему телу.

Пятнадцатый уровень наполнения Ци.

Я открыл глаза. В комнате было тихо. Свет очага дрожал на стенах, а за узким окном стояла ночь — глубокая, звёздная, прозрачная. Где-то далеко шумела река, неся вниз свои холодные воды.

Я вышел наружу и долго стоял, глядя на горы.

Старик, чьё помещение я арендовал, уже ждал меня у входа. Он посмотрел на меня внимательнее, чем раньше, и в его глазах мелькнуло удивление.

— Хорошее помещение, — сказал я, слегка поклонившись. — Всё удалось. Мне здесь понравилось.

Старик усмехнулся:

— Вижу. От тебя теперь веет не травой и усталостью, а горным ветром после грозы.

Я поблагодарил его ещё раз. Затем пошёл в ту самую столовую, куда ходил раньше. За десять дней я не ел почти ничего — только воду, немного сухой пищи и травяной отвар.

Тело требовало восстановления, и я позволил себе наконец поесть как следует.

Я ел долго и спокойно. Рис, мясо, суп с дикими грибами, свежий хлеб, чай с горными травами. Каждый кусок казался необыкновенно вкусным. Я сидел у окна и смотрел, как за стеклом медленно гаснет вечер, а на крышах города зажигаются огни.

Когда я насытился, в голове окончательно прояснился план.

Возвращаться в деревню Талый ручей не имело смысла. Там, у подножия гор, ци была слишком тонкой. Она годилась для начала пути, но не для рывка. Мне же нужно было за месяц выйти на уровень основы духа — а для этого требовались густые потоки энергии, закрытые земли, тишина и время.

Недалеко от города, в высоких горах за Небесной рекой, находилась секта Парящих Журавлей. О ней говорили как о месте, где облака живут ниже вершин, а журавли кружат над белыми пагодами, словно белые цветы, пущенные по ветру.

Там была закрытая территория. Там были горные пики, пропитанные ци. И там я мог медитировать, готовиться, копить силу.

Я знал, что секта набирает новых учеников. Обычно требовалось пройти испытание, но для тех, кто достиг хотя бы пятого уровня наполнения Ци, существовал иной путь — без экзамена. Мой пятнадцатый уровень был для обычного уче-

ника почти невероятным. Мне нужно было лишь прийти к вратам и сказать, что я хочу учиться.

На рассвете я покинул город.

Дорога вела через рисовые поля, тихие деревни и каменистые тропы. Постепенно поля сменились лесом, лес — склонами, а склоны поднялись к облакам. Воздух становился всё чище и холоднее. Я чувствовал, как ци густеет вокруг, стекает с вершин, собирается в ущельях и течёт по руслам горных рек.

Путь занял почти сутки.

Когда я наконец увидел секту, солнце уже клонилось к западу. Впереди, за полупрозрачной пеленой облаков, возвышались белые пики. Между ними висели мосты, террасы и пагоды с изогнутыми крышами. Над горами кружили журавли — десятки белых птиц, и их крики падали в долину вместе с эхом.

У подножия горы собралась толпа.

Люди стояли перед широкими каменными вратами, украшенными резными облаками и журавлями. Одни были подростками, другие — молодыми людьми постарше. Все смотрели вверх с надеждой, страхом и жадным восхищением.

Напротив толпы стояли трое мастеров.

Их одежды были синими, глубокими, как небо перед грозой. Ткань слегка колыхалась даже там, где не было ветра, словно сама была соткана из воздушных потоков. На поясах блестели нефритовые подвески с изображением журавля.

Один из мастеров вышел вперёд. Его голос был негромким, но он легко достиг каждого человека в толпе.

— Те, кто пришёл сдавать экзамен, — влево, к каменной лестнице. Те, кто уже достиг пятого уровня наполнения Ци и выше, — вправо, к белым вратам. Таких мы принимаем без испытания.

Толпа зашевелилась. Большинство пошло влево — около тридцати человек, молодых, напряжённых, полных надежды. Они будут сдавать общий экзамен.

Я спокойно отошёл вправо.

Вскоре рядом со мной оказались ещё двое. Один был худым юношей с спокойным, почти сонным лицом. Второй — широкоплечий парень в простой серой одежде, с мозолистыми руками работника. Нас было трое.

Остальных это, казалось, не интересовало. Их внимание было приковано к экзамену, к лестнице, к шансу войти в секту.

А мы ждали мастера.

Он должен был подойти и сопроводить нас внутрь — за белые врата, выше облаков, туда, где начинался настоящий путь.

Я стоял тихо, чувствуя, как в моём теле вибрирует свежая, ещё дикая сила пятнадцатого уровня. Где-то над вершинами кричали журавли. Впереди была секта Парящих Журавлей.

И я собирался войти в неё не как проситель, а как тот, кто однажды уже видел небо выше всех гор.

Глава девятая. Секта Парящих Журавлев

Мы стояли недолго.

По каменной дорожке, ведущей от врат, неспешно шёл мастер в синих одеждах. Он был немолод — седые волосы собраны в аккуратный узел, лицо спокойное, с тонкими морщинами у глаз. Но походка у него была лёгкой, почти бесшумной, словно он не касался земли, а скользил над ней.

Он остановился перед нами и обвёл взглядом всех троих.

— Вы утверждаете, что достигли пятого уровня наполнения Ци и выше? — спросил он.

Худой юноша кивнул:

— Шестой уровень, наставник.

Широкоплечий парень выпрямился:

— Седьмой.

Мастер одобрительно посмотрел на них. Затем его взгляд остановился на мне.

— А ты?

— Пятнадцатый уровень наполнения Ци, — ответил я спокойно.

Несколько мгновений было тихо.

Даже журавли над горами словно замолчали.

Мастер смотрел на меня так, будто не расслышал. Потом его брови медленно поднялись.

— Пятнадцатый? — переспросил он. — Ты уверен?

— Да.

Он усмехнулся — не зло, а скорее с недоверием человека, который слишком много раз слышал пустые слова.

— Пятнадцатый уровень — это уже близко к порогу основы духа. Такие практики не вырастают в обычных деревнях. Для этого нужны духовные земли, наставники, пилюли, закрытые залы медитации. Обычно о таком уровне говорят ученики внутренних дворов, а не пастухи.

Я не обиделся. В его словах была правда — по меркам этого мира.

— Я медитировал в горах, — сказал я. — Там, где ци течёт из самой земли. У меня было время, тишина и желание идти дальше.

Мастер прищурился.

— Слова ничего не доказывают. В секте Парящих Журавлей не принимают тех, кто преувеличивает свои силы. Покажи свою ауру. Только не пытайся обмануть старшего — я почувствую фальшь.

Я кивнул. Закрыл глаза. Внутри меня проснулась ци.

Она поднялась из даньтяня, прошла по меридианам — уже широким, очищенным, закалённым болью, — и вырвалась наружу тонкой, но плотной волной. Воздух вокруг слегка дрогнул. Трава у моих ног качнулась, хотя ветра не было.

Каменная дорожка под ногами едва заметно зазвенела, словно по ней прошёл далёкий колокол.

Я не выпускал всю силу. Только её тень.

Но и этого оказалось достаточно. Лицо мастера изменилось.

Сначала исчезла усмешка. Потом он сделал полшага назад — почти незаметно, но я увидел. Его взгляд стал серьёзным, внимательным, с тем особым выражением, с которым практик смотрит на нечто, не укладывающееся в привычные рамки.

— Пятнадцатый уровень, — тихо произнёс он. — И не просто накопленный. Твои меридианы… широкие. Чистые. Устойчивые. Ты не просто заливал в них энергию — ты закалял их.

Он посмотрел на меня уже иначе.

— В обычной деревне… — пробормотал он. — Без наставника. Без духовных земель. Без пилюль.

Я пожал плечами:

— Гора не спрашивает, откуда ты родом. Она просто даёт ци тому, кто умеет слушать.

Мастер долго молчал.

Потом медленно кивнул — уже не как человеку, пришедшему просить о поступлении, а как практику, которого стоит принять всерьёз.

— Ты прав, — сказал он. — Гора действительно не спрашивает.

Он повернулся к белым вратам. За ними поднимались лестницы, террасы и облака, а выше, в разрыве между пиками, блестела крыша главного зала.

— Я — мастер Лян Юнь, хранитель внешнего двора секты Парящих Журавлей. Вы пройдете без экзамена. Но запомните: высокий уровень наполнения — это ещё не всё. В секте вы встретите гениев, молодых мастеров, наследников старых родов. Некоторые из них начинали путь с лучшими условиями, чем вы, готовьтесь.

Я посмотрел на белые врата.

— Мастер, мне не нужны лучшие условия, — ответил я. — Мне нужно место, где можно идти вперёд.

Лян Юнь взглянул на меня долгим взглядом. В его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Хорошо сказано, — произнёс он. — Следуйте за мной.

Он повернулся и пошёл к вратам.

Мы двинулись следом — я, худой юноша и широкоплечий парень. За спиной осталась толпа экзаменующихся, шум, надежды и тревога. Впереди же лежала гора, скрытая облаками, белые пагоды и бесконечные террасы, уходящие в небо.

Над нами с криком пронеслись журавли.

И впервые за долгое время я почувствовал не только усталость и боль прошлого пути, но и лёгкое, почти забытое чувство — предвкушение дороги, которая ещё не пройдена.

Внутренние ярусы:

Мастер Лян Юнь провёл нас через белые врата — и мир

за ними раскрылся весь сразу.

Я остановился.

Передо мной лежала секта Парящих Журавлей во всей своей красе.

Гора уходила вверх уступами, как лестница, построенная самим небом. На каждом уступе стояли пагоды с изогнутыми крышами, беседки, мосты, каменные террасы. Водопады падали с высоких скал, разбивались о мохнатые камни и превращались в серебряную пыль. Ручьи стекали вниз по каналам, огибали павильоны, наполняли круглые пруды, в которых плавали красные рыбы.

Воздух здесь был другим.

Густой. Прозрачный. Живой.

Ци не просто висела в пространстве — она текла по склонам, поднималась от водоёмов, кружилась над пиками, собиралась в облаках. Я чувствовал её кожей, лёгкими, меридианами. Даже стоя на внешнем ярусе, я понимал: если здесь медитировать хотя бы месяц, можно продвинуться дальше, чем за годы в обычных горах.

— Не засматривайтесь слишком долго, — сказал Лян Юнь. — Красота секты — не награда. Она напоминает, насколько высоко можно подняться.

Мы шли по широким лестницам, мимо садов с цветущими сливами, мимо залов, где за открытыми дверями слышались голоса учеников. Где-то звенели мечи. Где-то пели формулы. Где-то пахло лекарственными травами и дымом алхи-

мических печей.

Чем выше мы поднимались, тем тише и величественнее становилось вокруг.

Наконец мы пришли на террасу, нависшую над морем облаков. Перед нами стоял павильон из тёмного дерева, окружённый старыми соснами. У входа ждал мужчина в бело-синих одеждах.

Он выглядел лет на сорок. Лицо у него было приятное, почти добродушное, с лёгкой улыбкой. Но глаза — узкие, внимательные, как у хищной птицы — смотрели иначе.

Лян Юнь остановился и слегка поклонился:

— Мастер Хэ Цин. Привожу вам троих новых учеников, достигших пятого уровня наполнения Ци и выше.

Мужчина оглядел нас.

Его взгляд задержался на мне чуть дольше, чем на остальных.

— Пятнадцатый уровень? — спросил он мягко.

— Да, — ответил я.

— В обычной деревне? Без наставника?

— Да.

Он улыбнулся ещё шире.

— Как интересно.

Лян Юнь передал ему как бы невидимую нить ответственности:

— Это мастер Хэ Цин, практик средней ступени ядра. Он будет отвечать за обучение новых учеников этого набора.

Отныне вы подчиняетесь ему.

Мастер Хэ Цин сложил руки за спиной.

— Благодарю, Лян Юнь. Можете быть свободны.

Лян Юнь кивнул и ушёл по террасе, растворившись в лёгком тумане.

Хэ Цин проводил его взглядом, затем повернулся к нам. Улыбка осталась на его лице, но стала тоньше.

— Итак, трое. Один — шестой уровень. Один — седьмой. И один… — он посмотрел на меня, — пятнадцатый.

Он медленно прошёлся вдоль террасы.

— Знаете, сколько учеников приходит ко мне каждый набор? Десятки. Все хотят учиться. Все хотят стать сильными. Все хотят летать на мечах, изучать техники, пить духовные пилюли и однажды прославить своё имя.

Он остановился.

— Но большинство из них — бестолочи. Они не умеют слушать. Не умеют терпеть. Не умеют думать. Они хотят всё и сразу, а когда сталкиваются с трудом, начинают жаловаться, лениться и искать виноватых. Я не собираюсь тратить своё время на таких.

Худой юноша напрягся. Широкоплечий сжал кулаки. Я стоял спокойно.

Хэ Цин заметил это. В его глазах мелькнуло одобрение — едва заметное, тут же скрытое.

— У меня много учеников, — продолжил он. — А я один. Моё время дорого. Поэтому я не буду учить всех подряд. Кто

покажет, что достоин моего внимания, — получит мои наставления. Кто нет — отправится на нижние ярусы. Там тоже есть работа: носить воду, чистить дорожки, ухаживать за садами, выполнять чёрные обязанности. Секта не выгоняет никого. Но и кормить бездельников духовными знаниями не станет.

Широкоплечий парень нахмурился:

— А как понять, кто достоин?

Хэ Цин улыбнулся.

— Очень просто.

Он поднял руку, и в его ладони появился небольшой нефритовый сосуд. Внутри слабо мерцала жидкость — прозрачная, с золотистыми искрами.

— Это настойка очищения меридианов. Небольшая, но полезная вещь. Такая настойка помогает практикам концентрации убрать застои, укрепить каналы и ускорить рост. Для учеников вашего уровня — почти сокровище.

Он поставил сосуд на каменный столик.

— Каждый из вас может подарить мне что-то полезное. Траву, минерал, пилюлю, материал для формации, редкую книгу — что угодно, что имеет ценность. Кто подарит нечто действительно стоящее, тот станет моим личным учеником. Остальные — на нижние ярусы.

Я понял сразу. Это была не проверка таланта. Это была проверка на покорность и на понимание ситуации в целом. Сюда приходят не получать, сюда приходят показать свой

дух, характер, волю. И способ собрать подарки — покажет, готовы ли мы к этому.

Мастер Хэ Цин хотел, чтобы мы сами принесли ему ценность. Хотел увидеть, кто будет угождать, кто испугается, кто станет спорить.

Худой юноша побледнел. У него явно не было ничего ценного.

Широкоплечий достал из-за пояса маленький мешочек и высыпал на стол несколько кусочков руды.

— Это железный песок с горных ручьёв, — сказал он. — Немного, но он подходит для ковки простых клинков.

Хэ Цин даже не взглянул на него внимательно.

— Сойдёт для внешнего двора.

Затем настала моя очередь. Я не спешил.

В моей сумке лежали травы, собранные в горах. Среди них была одна, которую я нашёл у холодного ручья под скалой — серебристолистная трава с голубыми прожилками. В моё время её называли «слезой облачного пика». Она была не редчайшей, но для практика уровня концентрации — очень ценной: помогала очищать меридианы и стабилизировать поток ци.

Я достал её вместе с несколькими пучками других трав и положил на стол.

— Слеза облачного пика, — сказал я. — Плюс травы для настоек и пилюль малого качества. Если мастер умеет работать с ингредиентами, из этого можно сделать не одну полез-

ную вещь.

Хэ Цин наклонился к травам.

Его пальцы едва коснулись серебристого листа. Он поднёс его к носу, вдохнул — и его улыбка наконец стала настоящей.

— Свежая. Правильно срезанная. Сохранила сок. — Он посмотрел на меня. — Ты знаешь, что это такое?

— Знаю.

— И где нашёл?

— У холодного ручья, там, где тень от скалы ложится на воду после полудня.

Хэ Цин выпрямился.

В его взгляде больше не было насмешки. Только расчёт и интерес.

— Неплохо, — сказал он. — Очень неплохо.

Он убрал травы в рукав.

— Ты пока остаёшься. Посмотрим, есть ли в тебе не только удача, но и мозги.

Затем он повернулся к двум другим.

— Вы — на нижние ярусы. Носите воду, работайте, слушайте старших. Если через год станете хоть немного умнее — возможно, я вспомню о вас. Там вас встретят, ступайте.

Широкоплечий сжал зубы, но поклонился. Худой юноша сделал то же самое, только руки у него дрожали.

Хэ Цин повернулся ко мне.

— А ты — за мной.

Он пошёл вглубь террасы, к павильону, стоявшему над об-

лаками.

Я последовал за ним.

За спиной остались лестницы, водопады и крики журавлей. Впереди был мастер средней ступени ядра — хитрый, расчётливый, любящий подарки и не любящий слабых.

Но я не боялся. Я уже знал, что такое настоящие мастера. И я знал, что уважение в мире культивации никогда не дарят. Его нужно брать — знанием, терпением и силой!

Меч и первые враги:

Мастер Хэ Цин привёл меня в небольшой зал внутри павильона. Там пахло сандалом, старой бумагой и прохладой горного камня. За широким окном плыли облака — белые, медленные, бесконечные.

Он сел за низкий стол и посмотрел на меня уже без прежней насмешки.

— Ты понравился мне, деревенский, — сказал он. — Не частое явление.

Я не стал спорить с определением.

— Твоя трава хороша. Ты не боишься, но и не лезешь вперёд без причины. Это редкое сочетание. Он поднял руку. Воздух перед ним дрогнул, и из тонкого пространственного кольца выплыли две вещи.

Первой был меч.

Он лежал на ладони мастера, словно живой. Клинок был узким, слегка изогнутым, цвета утреннего неба. Вдоль стали бежали тонкие серебристые узоры — не просто украшение,

а следы духовной формации. Рукоять была обмотана синей нитью, а у гарды мерцал маленький нефритовый кристалл.

Второй вещью оказалась сумка.

Небольшая, тёмно-синяя, с вышитым белым журавлём. На вид — обычный дорожный мешок. Но я почувствовал исходящую от неё пространственную ауру.

— Меч начального уровня для полётов, — сказал Хэ Цин. — Называется «Крыло Облачной Реки». На твоём уровне ты не сможешь раскрыть всю его силу, но летать сможешь. А это — сумка-хранилище. Внутри достаточно места для трав, пилюль, одежды и прочего скарба.

Я поклонился.

— Благодарю, мастер.

— Не благодари слишком рано. — Хэ Цин усмехнулся. — Это не подарок. Это инструмент. Если окажешься бесполезным, я заберу их обратно.

Он бросил мне меч и сумку. Я поймал обе — и ощутил холод металла, тихую вибрацию духовной энергии внутри клинка.

— Переоденься, — сказал мастер. — Ученик секты Парящих Журавлей не должен ходить в деревенской одежде. Затем пойдём знакомиться с твоими будущими товарищами.

Я переоделся за ширмой.

Форма была синей, с белой отделкой. Ткань была лёгкой, но прочной, приятной к телу. На груди вышит маленький журавль, расправляющий крылья. На поясе — нефритовая

пластина ученика.

Когда я вышел, Хэ Цин оглядел меня и кивнул:

— Уже лучше.

Он вышел на открытую террасу, поднял руку. Его меч вылетел из ножен и завис в воздухе, слегка покачиваясь над облаками.

— Садись.

Я встал на меч вслед за мастером.

Воздух рванулся навстречу.

Мы взмыли вверх.

Гора ушла вниз. Пагоды стали маленькими, ручьи — тонкими серебряными нитями, а водопады — белыми полосами на скалах. Ветер бил в лицо, но ци вокруг была такой плотной, что дышалось легко.

Мы летели над морем облаков, над пиками и мостами, пока не приблизились к широкому двору на одном из верхних ярусов. Там стояли несколько павильонов, тренировочные площадки и каменные дорожки, усыпанные лепестками цветущих слив.

Хэ Цин опустился первым.

— Это двор новых учеников, — сказал он. — Здесь ты будешь жить и тренироваться. Осмотрись. Я вернусь позже.

Его меч снова поднялся в воздух, и мастер улетел, оставив меня одного.

Я огляделся.

Во дворе было человек двадцать — молодые практики в

таких же синих формах. Кто-то отрабатывал удары, кто-то сидел в медитации, кто-то разговаривал группами.

И почти сразу я почувствовал на себе взгляды.

Не добрые.

Несколько учеников стояли у края площадки. Их аура была заметно сильнее, чем у большинства: двенадцатый, тринадцатый, четырнадцатый уровни концентрации. Они смотрели на меня с ленивым интересом, как смотрят на новую вещь, которую ещё не решили — выбросить или поиграть с ней.

Впереди них стоял высокий юноша с гладко зачёсанными волосами и дорогим нефритовым украшением на поясе.

— Смотрите-ка, — сказал он громко. — Новый.

Он подошёл ближе, оглядывая мою форму.

— Пятнадцатый уровень? Серьёзно? — Он усмехнулся. — В какой же деревне растят таких гениев? Наверное, пас овец, а горный дух из жалости подарил ему немного ци.

Кто-то из его компании хохотнул.

— Деревенщина в форме ученика Парящих Журавлей, — протянул другой. — Даже смешно.

Я смотрел на них спокойно.

— Ты кто? — спросил высокий.

— Вэй Кан, — ответил я, решив наконец быть тем, кем был с самого начала.

— Вэй Кан, — повторил он, словно пробуя имя на вкус. — Что ж, Вэй Кан. Здесь не деревня. Здесь не принято, что-

бы всякий пришлый лез выше своего уровня. Покажи уважение старшим — поклонись, и, может быть, тебя не будут задирать слишком сильно.

Он говорил громко, чтобы слышали остальные. Я понял: ему нужно не моё уважение. Ему нужна публика. И мне это надоело.

— Ты закончил? — спросил я ровно.

Лицо высокого изменилось.

— Что ты сказал?

— Я спросил, закончил ли ты.

Он шагнул вперёд, и его ци вспыхнула — четырнадцатый уровень, плотная, грубая, напористая.

— Ты слишком много позволяешь себе для новенького.

Он ударил первым. Быстро, но прямолинейно. Ладонь пошла в моё плечо, пытаясь сбить меня с ног и опозорить перед всеми.

Я не отступил.

Тело двигалось само — память сотен лет практики оказалась быстрее, чем его расчёт. Я ушёл с линии удара, перехватил его запястье и коротко, точно ударил ладонью ему в грудь.

Не в полную силу. Но достаточно, чтобы он понял. Раздался глухой звук.

Высокий юноша отлетел на несколько шагов, споткнулся и упал на каменную дорожку. Нефритовое украшение на его поясе треснуло.

Двор замолчал. Даже те, кто тренировался, остановились. Я стоял на месте, опустив руку.

— Я не ищу врагов, — сказал я. — Но и не собираюсь кланяться тем, кто путает силу с наглостью.

Высокий поднялся. Его лицо стало белым от ярости.

— Ты… ты ударил меня?!

— Ты сам начал.

— Ты знаешь, кто я?! — крикнул он. — Моя семья — род Серебряного Облака! Ты пожалеешь!

Я лишь посмотрел на него. И тогда остальные четверо двинулись вперёд.

Они не стали разговаривать. Просто атаковали — одновременно, с разных сторон, используя простые, но отточенные техники. Их ци сплелась в плотную сеть ударов: ладони, локти, ноги, рывки с флангов.

Пятеро против одного. Обычному новичку это означало бы позорное поражение.

Но я не был обычным новичком.

Я ушёл от первого удара, развернулся под вторым, поймал третьего за руку и бросил его на землю. Четвёртый успел ударить меня в спину — я принял удар, позволил ци погасить силу и в ответ толкнул его в сторону. Пятый замахнулся для мощного удара, но я шагнул внутрь его дистанции и ударил ладонью в плечо.

Он упал на колени.

Остальные попытались подняться — и я сбил их снова.

Не жестоко, не ломая кости. Но так, чтобы каждый понял: сегодня они выбрали не того.

Через несколько мгновений все пятеро лежали или сидели на камнях, тяжело дыша. Их формы были испачканы пылью, лица — злые и растерянные.

Я стоял посреди двора, спокойный, с чуть учащённым дыханием.

— Больше не подходите ко мне с такими разговорами и претензиями, — сказал я тихо. — Не потому, что я сильнее вас. А потому, что я не люблю тратить время на глупых молокососов, ясно!

Двор молчал.

Высокий юноша — тот, кто назвался из рода Серебряного Облака — смотрел на меня с такой ненавистью, что воздух вокруг него, казалось, стал тяжелее. Он сжал кулаки, но не двинулся.

Он уже понял: сейчас он не сможет ничего сделать. Но я тоже понял его взгляд. Это была не обида побеждённого.

Это была ненависть человека, который запомнил унижение — и будет ждать момента отомстить. Где-то над двором пронеслись журавли.

А я поправил синюю форму ученика секты Парящих Журавлей и пошёл осматривать своё новое место.

Глава десятая. Разговоры

Когда пятеро обиженных учеников наконец поднялись и разошлись, двор постепенно ожил снова.

Ко мне подошли трое.

Первым был невысокий парень с живыми глазами и растрёпанными волосами — Линь Фэн, двенадцатый уровень концентрации. Рядом с ним стояла девушка с собранными в хвост тёмными волосами и спокойным, внимательным взглядом — Су Мэй, тринадцатый уровень. Третья, младше остальных, с круглым лицом и хитрой улыбкой, представилась как Юэ Лин, одиннадцатый уровень.

— Ты правда уложил всех пятерых? — сразу спросил Линь Фэн, потрясенно.

— Они сами напали, — ответил я.

— Это мы видели, — сказала Су Мэй. — Просто редко кто отвечает так прямо в первый день.

Юэ Лин хихикнула:

— А Чжао Юнь теперь будет тебя ненавидеть всей душой. Он из рода Серебряного Облака. У них денег больше, чем у некоторых малых сект.

— Тем хуже для него, — сказал я.

Линь Фэн присвистнул.

— Смелый. Ну что, Вэй Кан, пойдём? Покажем тебе двор, пока старшие не начали давать задания.

И они повели меня по секте.

Двор и его тайны:

Сначала мы обошли жилые павильоны.

Моя комната оказалась небольшой, но удобной: каменный пол, узкое окно с видом на облака, простая кровать, стол, полка для вещей и отдельный угол для медитации. На стене висела схема базовой техники дыхания — не сокровище, но для новичка полезная.

— Здесь живут ученики внешнего и среднего дворов, — объяснила Су Мэй. — Комнаты простые, зато тишина хорошая. А главное — ци.

Я кивнул. Даже внутри помещения я чувствовал, как энергия просачивается сквозь камень, течёт по стенам, собирается в углах.

Потом нас вывели во внутренний двор.

Он был широким, выложенным светлым камнем. В центре стояла круглая площадка для тренировок, окружённая резными колоннами. С одной стороны шумел небольшой водопад, с другой росли старые сосны, а над всем этим висели белые пагоды и мосты, уходившие выше, к главным залам секты.

— Здесь тренируются утром, — сказал Линь Фэн. — Потом идут в залы техник. Вечером многие медитируют.

— А где медитируют? — спросил я.

Юэ Лин махнула рукой в сторону скалы:

— Вон там, за каменной аркой. Есть общий зал созерцания. Но лучшие места — выше. Там потоки ци сильнее. Правда, туда пускают не всех: нужно либо иметь заслуги, либо платить очками вклада.

Это меня заинтересовало.

— Очками вклада?

— Да, — кивнула Су Мэй. — В секте всё можно получить за вклад: доступ к закрытым землям, пилюли, техники, материалы, право пользоваться библиотекой. Даже лучшие комнаты и места для медитации.

Мы прошли к беседке у ручья.

Там стоял невысокий столик, несколько каменных скамей и маленькая печь для чая. Вода в ручье была прозрачной, холодной, с голосом камня на дне. Юэ Лин достала заварку, и мы сели пить чай.

Пар поднимался над чашками, смешиваясь с туманом.

— Расскажите мне о секте, — попросил я. — Не только о дворах. Как здесь всё устроено? Кто чем занимается? И главное — как можно зарабатывать?

Линь Фэн переглянулся с девушками.

— Ты хочешь сразу о делах узнать, — заметил он. — Большинство новеньких сначала мечтают о полётах на мечах, а ты уже про деньги спрашиваешь.

— Полёт на мече не кормит, — ответил я.

Юэ Лин рассмеялась.

— Верно говоришь. Ладно, слушай.

Как зарабатывают в секте:

— Всё начинается с заданий, — сказала Су Мэй. — Их вывешивают в Зале Деяний. Там есть доски с поручениями от секты, от мастеров, от торговых домов и даже от обычных людей из окрестных городов.

— Какие задания? — спросил я.

— Разные, — перечислил Линь Фэн. — Собрать травы в трудном месте. Доставить письмо или груз. Охранять караван. Найти потерянный предмет. Помочь жителям деревни с зверем. Иногда просят добыть материалы: руду, кору, смолу, кости, шкуры, когти, клыки, яд, кровь — всё, что нужно алхимикам, кузнецам или мастерам формаций.

— А опасные задания? — уточнил я.

— Тоже есть, — кивнула Су Мэй. — Например, убить зверя, который нападает на дороги или деревни. Принести его шкуру, когти, сердце или желчный пузырь. За таких зверей платят хорошо, особенно если он обладает духовной кровью или полезными материалами.

Юэ Лин наклонилась ближе:

— Но там всегда риск. Духовные звери бывают умными. Некоторые живут стаями. А некоторые охраняют гнёзда или сокровища. Не стоит лезть на задание выше своего уровня только ради награды.

Я кивнул. Это я знал слишком хорошо.

— А сколько можно заработать? — спросил я.

— Зависит от задания, — ответила Су Мэй. — За сбор обычных трав дают немного. За редкую траву — больше. За материалы от духовного зверя — ещё больше. А если принесёшь что-то ценное для секты, можешь получить не только очки вклада, но и доступ к закрытым землям или право выбрать технику.

Линь Фэн добавил:

— Ещё есть внутренние работы. Помогать в алхимическом павильоне, сортировать травы, чистить печи, носить материалы. Скучно, зато безопасно. А некоторые ученики зарабатывают, продавая секте то, что нашли сами: руду, корни, камни с духовными следами, редкие грибы.

— А торговать с другими учениками можно? — спросил я.

— Можно, — сказала Юэ Лин. — Но честно. За обман в секте наказывают. А если ты умеешь определять ценность трав или материалов, то тобой начнут интересоваться.

Я задумался.

Значит, путь был ясен: задания, травы, материалы, звери. Я умел находить растения, знал их свойства, понимал, как готовить заготовки и что ценят алхимики. Это могло стать не просто заработком, а способом быстро получить очки вклада — а с ними доступ к лучшим местам для медитации.

Устройство секты:

— А сама секта? — спросил я. — Какие там дворы, кто

главные?

Су Мэй стала объяснять спокойно, как учительница:

— Секта Парящих Журавлей делится на несколько ярусов. Внизу — внешний двор. Там новички, слуги, работники и те, кто ещё не доказал свою ценность. Затем — средний двор, где учатся ученики вроде нас. Выше — внутренний двор. Туда попадают лучшие: те, кто показал талант, выполнил важные задания или нашёл покровителя среди мастеров.

— А над внутренним двором? — спросил я.

— Пики, — ответил Линь Фэн. — У секты несколько главных пиков. На каждом живут старейшины и мастера. Там закрытые земли, духовные источники, библиотеки, залы техник и запретные области. Обычным ученикам туда хода нет.

— А во главе секты?

— Во главе секты Парящих Журавлей, — сказала Су Мэй. — Несколько великих старейшин. О них почти ничего не известно. Говорят, они давно не покидают верхние пики. Но их сила удерживает весь край.

Я смотрел вверх, туда, где за облаками скрывались вершины.

Там, наверху, были закрытые земли. Там была ци, способная поднять меня на уровень основы духа и выше. И, возможно, там же находились ответы на вопросы, которые я пока не мог даже задать.

Юэ Лин налила мне ещё чаю.

— Ну что, Вэй Кан? Понял, куда попал?

Я взял чашку.

— Понял.

Секта была красивой. Величественной. Полной возможностей — и скрытых угроз. Здесь можно было расти. Здесь можно было зарабатывать. И здесь уже были те, кто хотел меня сломать.

Я отпил чай и посмотрел на своих новых знакомых.

— Тогда завтра, — сказал я, — пойдём в Зал Деяний. Посмотрим, какие задания дают новичкам.

Линь Фэн улыбнулся:

— Вот это по-нашему.

А где-то в другом конце двора Чжао Юнь из рода Серебряного Облака всё ещё помнил мою ладонь у себя в груди. И я знал: это была только первая искра.

Зал Деяний:

Утро пришло в секту тихо и светло. Над Лазурными Небесами таял предрассветный туман, а на Бамбуковом Пике Небес первые лучи солнца зажгли капли росы на листьях, словно кто-то рассыпал по горам тысячи мелких жемчужин. Я вышел из своей кельи, вдохнул холодный, чистый воздух и направился к Залу Деяний.

Линь Фэн, Су Мэй и Юэ Лин уже ждали у широких каменных ступеней. Они встретили меня улыбками — за прошедшие дни мы успели стать хорошими знакомыми, и они охотно показывали мне секту: дорожки среди цветущих слив,

мосты над прозрачными ручьями, павильоны, прячущиеся в облаках.

— Для первого задания лучше взять сбор трав, — сказал Линь Фэн. — Очков дают немного, зато место спокойное, и там всегда много учеников.

— И травы там хорошие, — добавила Су Мэй. — Долина Серебряных Рос. До неё лететь недалеко.

Я согласился. Очков мне было мало, а мне нужно было как можно больше — не ради тщеславия, а чтобы получить доступ к техникам, пилюлям и тем местам секты, куда без заслуг не пускали.

Долина Серебряных Рос:

В Зале Деяний мы взяли нефритовые таблички с заданием и поднялись в воздух на мечах. Под нами раскинулся край удивительной красоты: изумрудные равнины сменялись тёмными лесами, реки блестели, как расплавленное серебро, а вдалеке поднимались горы, чьи вершины терялись в белых облаках.

Долина Серебряных Рос лежала между двумя хребтами. Утренний туман ещё не ушёл, и травы казались покрытыми светящейся пылью. Здесь росли стебли небесного бамбука, цветы лунного лотоса, корни с серебристой кожурой и множество растений, необходимых секте для пилюль.

Мы работали весь день. Я срезал травы осторожно, оставляя корни в земле, как учили старшие. Вокруг виднелись другие ученики — кто-то искал цветы у ручья, кто-то под-

нимался по каменистым склонам. Благодаря этому опасностей было немного: дикие звери избегали людских голосов и запаха духовной энергии.

К закату наши сумки были полны. Мы вернулись в секту, сдали травы в Зале Деяний, и мне начислили первые очки. Немного — но это были мои очки, заработанные собственным трудом. Мы расстались у келий, договорившись встретиться через пару дней.

Одиночное задание:

На следующее утро я снова пришёл в Зал Деяний один. Мне нужны были очки, и я уже понимал: простым сбором трав далеко не уйдёшь. Пока у меня было время и я решил взять задание на зверя.

Среди табличек я нашёл задание посложнее: в Долине Ревущего Ветра разбушевался крупный духовный зверь. Он нападал на караваны, пугал учеников, собиравших травы, и его следовало выследить и уничтожить. Награда была значительной.

Я посмотрел на своё отражение в полированном камне стены. Мой уровень был достаточен. Я взял табличку.

Долина Ревущего Ветра встретила меня шумом воды и свистом ветра между скалами. Здесь было дико и красиво: узкое ущелье, высокие стены из серого камня, водопады, падавшие с высоты, и леса, уходившие вверх по склонам. Я летел на мече медленно, высматривая следы.

Скоро я нашёл их: примятая трава, глубокие следы на

мягкой земле, клочья шерсти на колючем кустарнике, а затем — пещера в скале, у входа которой пахло сыростью и зверем.

Бой в ущелье:

Зверь вышел из пещеры, когда я приблизился. Это было огромное существо, покрытое тёмной шерстью, с длинными когтями и горящими глазами. Оно рыкнуло — и эхо прокатилось по всей долине.

Бой оказался долгим и тяжёлым. Зверь был силён: он бросался вперёд, размахивал когтями, а из его пасти вырывались сгустки ци, которые он швырял в меня, словно камни. Я уклонялся, уходил за скалы, использовал меч, чтобы рассекать его атаки, и направлял собственную ци в удары.

Я применял техники, которые уже знал: усиленный удар меча, рассеивание энергии, резкий выпад, когда зверь открывался. Постепенно я начал понимать его повадки, предугадывать движения. Мы оба устали, но я не отступал.

Наконец, когда зверь замешкался после неудачного прыжка, я собрал остатки сил, направил ци в клинок и нанёс решающий удар. Зверь рухнул на камни, и долина снова стала тихой — только вода продолжала падать с высоты, и ветер шевелил траву.

Возвращение:

Я взял то, что требовалось как доказательство: внутренности, когти, часть шкуры. Всё это я аккуратно упаковал и полетел обратно в секту. Солнце уже клонилось к вечеру, ко-

гда я вошёл в Зал Деяний и сдал добычу.

Мне начислили новые очки — значительно больше, чем за травы. Я почувствовал удовлетворение и лёгкую гордость: сегодня я не просто собирал чужие растения, а сам прошёл испытание, встретил опасность и победил.

Уставший, но довольный, я вернулся в свою келью. За окном догорал закат над Лазурными Небесами, и горы вокруг секты медленно погружались в синеву вечера. Я лёг спать, зная, что завтра меня ждут новые задания — и новые очки.

Три суток у котла:

На следующее утро я решил не идти с приятелями за травами. Мне нужно было другое: превратить заработанные очки и накопленные знания в настоящую силу.

— Я займусь пилюлями, — сказал я ребятам у Зала Деяний. — Хочу несколько дней поработать в тишине.

Линь Фэн кивнул, а Су Мэй улыбнулась:

— Павильон Тысячи Благовоний. Там сдают котлы в аренду. Только не бери самый дешёвый — он половину энергии трав сжигает.

Я поблагодарил её и направился к павильону. Он стоял на склоне Бамбукового Пика Небес, среди вечнозелёных деревьев. Из его труб поднимался лёгкий дым, а воздух был наполнен запахом горных трав, расплавленного минерала и горячей духовной энергии.

Техники мне были не нужны. Я не хотел тратить очки на библиотеку: многие из доступных ученикам свитков каза-

лись мне грубыми и ограниченными. Хорошие техники я и так помнил — просто моё нынешнее тело ещё не имело сил, чтобы раскрыть их полностью. А то, что у меня было, вполне подходило для нынешнего этапа.

Я потратил часть очков и арендовал котёл на трое суток. Это был добротный, но всё же ученический котёл: бронза с простыми гравировками, способная выдерживать лишь ограниченный поток ци. Котлы получше стояли выше, в павильоне для внутренних учеников, но туда мне пока было не попасть. У меня был свой котел, который я не хотел светить, но он уже мне не подойдет на уровне Основы, когда у меня появится своя пещера, я приобрету другой котел, а пока только ученические котлы.

Работа над пилюлями:

Я разложил ингредиенты на каменном столе: стебли небесного бамбука, цветы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.